

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Ночь
сурка

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Ночь сурка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Ночь сурка / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2017 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-98658-3

Празднование юбилея скульптора Леонарда Рубана пришлось на канун Нового года. В его имении собралась разношерстная компания, чтобы отметить сразу два праздника. Но веселье не задалось: сначала хозяин впал в депрессию и уединился в своей мастерской. Потом один из приглашенных, журналист Андрей, поехал в соседний поселок, чтобы пополнить запасы продуктов, и исчез. Отправившиеся на его поиски мужчины обнаружили лишь пустой перевернутый джип. А на следующий день светская львица, красавица Зоя, была убита, причем сделать это мог лишь кто-то из обитателей дома... Обратиться за помощью к властям было невозможно из-за снежного бурана, поэтому за расследование взялся бывший оперативник, а ныне преподаватель философии Федор Алексеев. Его под видом приятеля пригласил Рубан, как оказалось, давно опасавшийся за свою жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98658-3

© Бачинская И. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Инна Бачинская

Ночь сурка

*Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя замечает ночная,
Спят твои села под песни метели,
Дремлют в снегу одинокие ели...
Мнится мне ночью: не степи кругом —
Бродит Мороз на погосте глухом...*

Иван Бунин. Метель

*Действующие лица и события романа вымышленны, и сходство их
с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

...В комнате двое. Один – крупный, краснолицый, громогласный – в кресле, другой – молчаливый и какой-то сонный – на диване. На журнальном столике между ними бутылка виски, стаканы и нехитрая закуска: темно-красный балык, блюдо с маслинами и кружками лимона, бутылка минеральной воды.

– Поехали! – командует краснолицый, поднимая стакан. – За удачу и успех!

Он выпивает одним глотком, крикает, закусывает лимоном. Бросает в рот кусок мяса.

Второй лишь пригубливает; греет стакан в руках.

– Ну? – Краснолицый перестает жевать. – Ты чего?

– Не могу, у меня вечером работа, – скучно объясняет гость.

– Ну так, для куражу! И работа пойдет!

– Голова нужна свежая.

– Чудак-человек! – ржет краснолицый. – А у меня всегда свежая, сколько не прими! –

Он снова тянется за бутылкой, разливает. – За свободу! Теперь дело пойдет, у меня чуйка. Я пока на нарах парился, всю свою жизнь передумал. Мужик все должен попробовать, все путем. Вздрогнули! – Он опрокидывает стакан, морщится, хватая руками мясо, рвет зубами.

Гость пригубливает, берет веточку кинзы...

– За дружбу и сотрудничество! – следует новый тост. – Ох, и дадим мы с тобой копотти, Кирюха! Держись за меня, пробьемся! Жалко только, моя задумка тогда сорвалась. Невезуха. Ну, ничего, переиграем. Жалко бабу, конечно, понимающая была, мы с ней вроде как дружбу завели. Она сразу повелась, пожалела... им любую лапшу можно навесить. Не судьба. Ты, братишка, ни хрена в этой жизни не понимаешь, тебя еще учить и учить. А красивый был финт, скажи?

Он смотрит вопросительно, ожидая похвалы, и гость кивает. Лицо у него скучающее и презрительное. Он наблюдает за расхोившимся товарищем, греет в руках стакан и лишь пригубливает. Молчит, слушает. Краснолицый много говорит, делится планами, хвастает, сыплет дурацкими тостами: за сотрудничество, за прекрасных отсутствующих дам и зачетных телок – а как же? За светлое будущее. Он все обдумал, взвесил, планы у него наполеоновские. Знай наших! Везуха! Фарт! Считай, набитый лох попал на бабки! Попадосик на бабулесики! Он радостно ржет. Глаза блестят, тосты становятся какими-то уж вовсе запредельными: за телефон без кнопочек, за тех, кто в море, за здесь и сейчас – на том свете не дадут. Он опрокидывает стакан размашистым движением. Закусывает. Запихивает в рот куски мяса, жует, с усилием глотает. Снова наливает. Опрокидывает. Жует.

Гость наблюдает, на лице его выражение гадливости и скуки.

Стакан вдруг падает у краснолицего из рук, он откидывается на спинку кресла, бормочет: «Чего-то мне... это...» – закрывает глаза; прижимает руку к груди, хрипит, хватая воздух широко раскрытым ртом, на глазах бледнеет и словно усыхает...

Гость сидит неподвижно. Смотрит. Краснолицый сползает с кресла, ноги скребут пол, он пытается встать; запрокидывает голову; пальцы рвут горло. Отвратительный шаркающий звук подошв и хрип постепенно стихают. Полусползшее с кресла тело застывает в неудобной ломаной позе; рот открыт; глаза бессмысленно уставились в потолок. Финита.

Гость встает с дивана, огибает журнальный столик; прикасается к шее краснолицего; лицо его сосредоточено, даже мрачно. Краснолицый мертв. Гость подносит к глазам руку с часами. Настороженно смотрит на темное окно. Открывает портфель, достает тонкие резиновые перчатки...

Методично обшарив ящики письменного стола, книжный шкаф, он отбирает и складывает в портфель какие-то бумаги. Туда же отправляются стакан, из которого он пил, вилка,

смятые салфетки. Он протирает носовым платком столешницу, дверные ручки, кран в туалете. Закончив, стоит на пороге, внимательно осматривая комнату. Задерживает взгляд на мужчине. В глазах его пустота...

В прихожей он застывает у двери, прислушиваясь к звукам на лестничной площадке. Осторожно выходит из квартиры, бесшумно захлопнув за собой дверь. Стаскивает резиновые перчатки, сует их в карман и не торопясь спускается по лестнице...

Глава 1

Снег. Богема

...Снег, снег, снег... весь день, и вчера, и позавчера, рыхлый, липнувший к башмакам, к лыжам, к полозьям саней. И туман, выматывающий душу, какой-то потусторонний, густой, застревающий в глотке. Ни неба, ни долины, ни заснеженных холмов... ничего! Один белесый туман, скрадывающий звуки шагов, голосов и машин. И вдруг к вечеру, словно по мановению волшебной палочки, стало проясняться, заметно похолодало и чья-то щедрая рука сыпанула колючими звездами. Сразу же проступили гигантские сосны, укутанные в снег, похожие на привидения, и стала видна дорога. Завтра обещали погоду, солнце, мороз! Уррря! Жизнь продолжается и, кажется, налаживается, господа хорошие.

Черный «Лендровер Дефендер» продвигался галсами по занесенной снегом дороге – в этих местах дороги чистить не принято, да и некому; натужно ревел двигатель; человек за рулем, пригнувшись, вглядывался в снежные заносы, пытаясь рассмотреть придорожные столбцы, бормоча себе под нос:

– Чертов снег, чертов туман... ненавижу! Какого черта! Повезло как утопленнику. Зимние каникулы! Угораздило же... Сейчас бы на океан, солнце, песочек, коктейли, массажик... Девки почти голые... эх!

Но работа есть работа. Обещаны приличные бабки. Правда, речь о вылазке на природу не шла, а когда зашла, поворачивать оглобли было поздно. Хоть этот чертов снег прекратился, и можно смотаться в поселок, и джип старик дал, не пожмотничал. Шикарная тачка! А место паршивое, поворот, что там дальше, ни фига не видать, скатиться вниз – пара пустяков. Горы-то, горы... какие горы! Бугры, а не горы, одно название, а навернуться с концами хватит. И ведь недаром никто не живет! Народу с гулькинос. Плохое место. Как говорит старик... реликтовый анклав. Курганы, идолы, говорят, по пять тысяч лет стоят, в землю ушли... удивительно, что не сперли черные археологи. И людей почти нет, одно старичье доживает. Городские ездят к здешним бабкам с болячками и хворями. Травы тут, говорят, растут особенные. И вода. И климат дикий. Скачет каждые пять минут, то дождь, то снег... тоже реликтовый, блин! Да тут одно лекарство – бухло. Сейчас затоваримся, и вперед!

Двигатель натужно ревел, машину заносило. Водитель вдруг выругался и ударил по тормозам – впереди, словно с неба упал, появился человек.

– Охренел?! – завопил водитель, опуская окно. – Жить надоело?

– Это я, извини, – сказал мужчина, обойдя машину, – узнал тачку. Ты в поселок? Захватишь?

– Ну! Испугался до чертиков, никого – и вдруг человек! Как привидение, – сбавил тон водитель. – Говорят, тут полно всякой чертовщины. Прошу! – Перегнувшись через пассажирское сиденье, он открыл дверцу.

– Прекрасная погода для прогулки, но не рассчитал – снег липнет, идти невозможно... и скользко, – сказал мужчина. – Думал, хана, останусь до утра. Заблудился в трех соснах. А тут ты! Повезло.

Он неловко завозился, усаживаясь, и вдруг резким движением ударил водителя кулаком в лицо. Тот вскрикнул и отшатнулся. Нападающий ударил еще раз и еще. Человек на водительском сиденье затих, нога сползла с тормоза. Нападавший вывалился из машины и отпрыгнул в сторону. Джип, набирая скорость, покатился по дороге. Миновал поворот и, натужно взревев и сбив хлипкую ограду – поперечные жерди на невысоких столбцах, отделявшие дорогу от глубокой низины, – на секунду завис на краю, словно раздумывая, и тут же рухнул вниз. Перевернулся два раза и замер. Происшествие заняло три-четыре минуты от силы. Человек

оглянулся – дорога была пуста, движение после снегопада не восстановилось. Это был плохой участок – спуск, поворот, узкое место; свои знали, а чужих, если случались, предупреждали, и они выбирали более длинную кружную дорогу. Чужие залетали сюда редко – как правило, случайно, сбившись с пути.

Мужчина, оглянувшись еще раз, подошел к снесенной хлипкой ограде, наклонился. Метрах в тридцати внизу он увидел черное пятно упавшей машины – фары и красные сигнальные огни все еще горели. Он подумал, что они погаснут к утру, не раньше. Человека уже нет, а они будут гореть.

Он вернулся на дорогу и не торопясь пошел в обратную сторону...

* * *

...За три дня безвылазного сидения в Гнезде они надоели друг другу до чертиков. Паршивый чертов снегопад! Тем более выпито все, что способно гореть – позорный недосмотр организаторов. От домашнего вина оскомины и першение в горле. Все подозревали, что в заглазниках есть, но дядя Паша стоял насмерть: нету, и баста! Берег на Новый год.

Все в конце концов кончается, как хорошее, так и плохое, к счастью; в природе наметились положительные сдвиги – проясняется, температура упала, снег весь высыпал и снегопад прекратился. Жизнь, похоже, налаживается, и на радостях уехал в поселок доброволец – за спиртным.

Гнездо... громко сказано, с претензией и намеком как бы на родовой замок, а на самом деле – настоящая воронья слободка: приземистое неказистое деревянное строение о двух этажах с асимметричными крыльями. Но, к чести местной архитектуры, необходимо заметить, удобное и теплое. И комнат много – строилось для большой семьи, мнились шумные посиделки у камина и прогулки – зимой на лыжах, летом по грибы и ягоды, – но большой семьи не случилось, увы, и гости едут неохотно: уж очень места тут дикие, лучше развлекаться в городе; половина дома стоит пустая, туда уж век не ступала нога человека. Разор, запустение, пауки; кроме того, скрипы и шаги – не иначе, домовые и всякая другая нежить. Гнездо уже лет тридцать сонно доживает, но жрет исправно – то отопление вышло из строя, то крыша прохудилась, то трубы... набегают, одним словом, особенно принимая во внимание теперешние цены. Хотя цены не суть важны, хозяин – человек небедный. Не миллионер, конечно, но вполне небедный. А может, и миллионер, никто не считал. Одна коллекция картин чего стоит! И приличный дом в состоянии построить в приличном месте, а «эту позорную халупу», как называет Гнездо жена и хозяйка, прекрасная Марго, продать или пустить на дрова. Хотя какой дурак ее купит... только на дрова! Прекрасная Марго – не Маргарита, как мог бы подумать читатель, а Мария. Ей нравится быть Марго. Она ощущает себя Марго. Марго – четвертая жена Мэтра известного дома и за пределами скульптора Леонарда Рубана, классика при жизни, чьи работы в музеях по всему миру. В зависимости от продвинутости гостя, прозвище ему Старик, Глыба, Мафусаил – скульптор весьма не молод, ему через пару дней семьдесят пять. И самое уважительное и демократичное – Мэтр. День рождения хозяина совпадает с Новым годом – почти: двадцать девятое декабря. Дом полон гостей, юбилей нон-стоп перетекает в празднование Нового года; предполагаются бурное застолье, елка, фейерверк, гулянья, игры, флирт, а также горячие споры и разборки подшофе – случается, а как же! Публика собирается творческая, горячая, с огоньком и фантазией, часто пьющая; а днем – лыжи, пешие прогулки, солнечные ванны, самовар на открытой веранде с видом на холмы, курганы и единственную выпуклость, которую с натяжкой можно назвать горой; долгие беседы обо всем, включая политику, разумеется, и сплетни из мира прекрасного. Свобода полная плюс прекрасные пейзажи и кристальной чистоты воздух вместо городского смога, заторов на дорогах и толчеи. Хорошо бы, но увы. С самого начала что-то пошло вкривь и вкось, не катастрофически, а так, слегка, но

по наклонной. Лыжи похерили сразу, равно как и пешие прогулки; валялись с утра до вечера по своим комнатам, а ближе к ночи стягивались на ужин в гостиную и пили. Одна радость – общение и треп, как уже упоминалось ранее. Горящий камин бросает красноватые блики на лица, потрескивают свечи, струится запах хвои от мерцающей шарами елки. Прекрасный пол в вечерних нарядах: голые спины, стразы, обильный макияж. Дамы даже в походе вполне способны надеть вечерний наряд, не замечали? Что же касемо до погоды, то надобно заметить, что она особо не радовала: липкий тяжелый снег, нулевая температура и туман. Впрочем, об этом уже упоминалось ранее. Даже в таких странных местах, как это, чувствуются климатические сдвиги. В итоге Мэтр впал не то в запой, не то в депрессию, что для творческого человека, по сути, одно и то же, и уже три дня не кажется на глаза. Тем более ближайший друг и соратник не приехал, так как сломал ногу. Мэтр кричал и требовал, чтобы явился сей секунд, пусть с поломанной ногой, хрен с ней, будем на руках носить, но тот тоже расхандрился, раскричался и наотрез отказал. Сгоряча Мэтр обматерил его, что отразилось на общем настрое, и давление подскочило. Мэтр раскапризничался и заявил, что остается в Гнезде навсегда, а они все пусть идут на... в смысле, катятся на все четыре стороны, никто не держит! Уже не исправишь. Порчены цивилизацией – не хватает толпы, пробок и смога, воду пьют мертвую, из пластика, от чистого воздуха падают в обморок, а отлучение от Интернета и тусовки – вообще трагедия и смерти подобно!

Правда, никто особенно не переживал, к бзикам тут привыкли, сами такие – в Гнезде собрались старые добрые друзья, спетая компания, за исключением двух новичков-нужников вроде адвоката и летописца, задумавшего книгу о Великом мастере...

Всякая закрытая группа – общество в миниатюре. Есть лидер, есть оппозиция, городской сумасшедший, заговорщик, подлец, хороший парень, первая красавица, некрасивая подруга первой красавицы, коварная соблазнительница; соответственно имеют место подводные камни: зависть, ревность, приязнь, неприязнь, дружба, коварство, любовь и ненависть. Не забыть адюльтер. Как в любом другом человеческом коллективе. Если группа невелика, то одна особь сочетает в себе несколько ролей, причем прекрасно с ними справляется.

Лидер, он же Великий мастер, Мэтр, Мафусаил... и так далее, хозяин, сидит у себя в мастерской, по легенде – творит, просьба не лезть. Вранье, конечно, он давно уже не творит, обрыдло. Все обрыдло. Творческая пауза. Пьет он там, с утра наливается виски, сидит в тулупе в кресле – корявый, мощный, с большой головой, с длинными седыми нечесаными патлами, – а дверь на «малую» веранду открыта, по углам и перилам намело сугробы, – смотрит на туманные холмы... нет, не так! на угадываемые с трудом в тумане – так вернее; на сизое небо, на сизые реликтовые сосны и чувствует, как все обрыдло. Гос-с-с-поди! Ничего не радует, нет ни замыслов, ни желаний. Сидеть и смотреть. Сигара. Еще виски. Финита. Рядом сидит бородастый терьер – сука Нора, любимая игрушка и верный друг. Да иногда приходит допущенный к телу свежий человек, летописец, поговорить за жизнь. Под настроение. Радует щенячьим оптимизмом и уверенностью, что жизнь все-таки стоящая штука.

Два-три раза в день заглядывает Марго, другая любимая игрушка, марсианская женщина Аэлита, тонкий хилый альбинос, – длиннорукий, длинноногий, какой-то изломанный, стриженный почти наголо, с ядовитым макияжем; в коротком черном платье, в черных непрозрачных чулках чуть выше колена – светит голыми ляжками. Типичный декаданс. Четвертая жена, бывшая бездарная натурщица, затем никакая жена. Без роду, без племени. Тридцати одного года от роду.

– Пьешь? – говорит Марго неожиданно сильным и звучным голосом, поместившись между окном и мужем, заслоняя вид, упирая руки в тощие бедра. – Не надоело? Между прочим, в доме люди, между прочим, спрашивают, интересуются. Между прочим, ждут высочайшего выхода. Между прочим, у тебя юбилей! Помнишь про юбилей?

– Уйди, – говорит Рубан, не глядя на нее, делая отстраняющий жест рукой: чур меня, чур! – Пошла!

– Ты бы хоть поел, – говорит Марго. – Лиза сказала, ты вообще ничего не ешь! Даже не закусываешь. Принести?

– Не хочу.

– Хоть кофе!

– Не хочу.

– Помрешь, не доживешь до юбилея. Народ надеется, ждет, не порть людям праздник.

Рубан закрывает глаза – ушел.

– Иди к черту! – рывкает Марго и выходит, хлопнув дверью.

* * *

Гостиная, она же банкетный зал, днем пуста, гости, как уже было упомянуто, сидят по своим комнатам. Подтягиваются под вечер. Диваны под стенами, массивный стол, несколько низких журнальных столиков, пара кресел, картины по стенам и деревья в больших керамических кадках. В углу камин, сложенный из дикого камня, черный, закопченный, жарко пылающий, он распространяет запах горящих сосновых поленьев и шишек. Пестрит от картин, домотканых ковриков, керамики, икон – как же без икон! Напоминает провинциальный этнографический музей.

Справа от камина – кресло, в нем сидит женщина в черной шляпе с полями, в черном платье, с причудливо раскрашенным лицом: кроваво-красные губы, кроваво-красные сердечки на скулах, причудливо изогнутые брови и полуметровые ресницы; на плечах шаль – красные розы на черном; черные чулки на длинных тонких ногах, остроносые туфли с золотыми пряжками, тоже черные. В женщине чудится нечто жуткое, вызывающее оторопь у непосвященных – то ли удивительная статика, то ли неестественная поза: она сидит, не опираясь на спинку кресла, словно штык проглотила; кажется, даже слегка прогнулась назад. Мумия, называет ее новичок в компании, журналист Андрей Сотник, тот самый, что подрядился писать сагу о Великом мастере, – крупный и громогласный молодой человек запредельной коммуникабельности, с первой минуты знакомства переходящий с любым, будь то женщина или мужчина, на «ты». В их тусовку, как седло на корове, не вписывается. Женщина в кресле, как уже понял читатель, не живая, а гипсовая, и отлита Рубаном с Марго в бытность ее натурщицей, во время расцвета их любви; раскрашена и задрапирована ею же; она – домашний аттракцион и повод для шуточек. Новые гости поначалу не врубаются, что дама гипсовая, здороваются и даже пытаются заговорить.

Клички у нее Идол и Маска. Кто-то предпочитает просто: Марго-дубль. Идол – понятно, а почему Маска, спросит читатель? Так ее называет Мэтр, намекая на одноименный роман Станислава Лема, весьма жуткий, к слову. Маска – механическая кукла, в которую влюбился герой, и она в конце концов его сгубила. Намек на Марго, не иначе. Мэтр любит намеки, сарказмы и парадоксы. Один из гостей, Иван Денисенко, дипломированный фотограф, без продыху фотографирует Маску при разном освещении, в разных ракурсах. Кладет ей на колени вазон или книгу, а в руку пристраивает бокал с вином, сдвигает шляпу, приподнимает юбку, и клац-клац-клац! Иногда с позиции лежа на полу. И повторяет, что у него мороз по коже всякий раз при взгляде на... *это*. Что удивительно и вызывает вопрос: почему человек так боится неподвижных и неживых больших кукол? Почему подсознательно ждет от них какой-нибудь гадости? Почему у них аура опасности?

– Какую тяжелую и страшную генетическую память они будоражат, а, господа? – патетически вопрошает Иван Денисенко, которого после двух-трех рюмок тянет на разговоры о возвышенном и непознанном. – Почему мы их боимся?

Глядя на него, не скажешь, что Иван кого-нибудь или чего-нибудь боится – это мощный большеголовый мужчина с румяной физиономией – не то от съемок на пленэре, не то от пьянства, которому подвержен. Временами он впадает в запой, сопровождаемый депрессией и поисками смысла жизни, часто драками. Характер, помимо депрессий, жизнерадостный, хотя темы работ у него, прямо скажем, странные: заброшенные, богом забытые уголки, полуразрушенное жилье, несчастные, забытые бедностью какие-то потусторонние люди, чья незащищенность бьет в глаза; лопухи, заборы, свалки, бездомные собаки. Мэтр очень любит Ивана, но однажды сказал, что от его работ хочется повеситься. В прошлом году Иван получил первую премию на выставке в Торонто, чем очень гордится. Кукол он, разумеется, не боится, еще чего! Так, божественное интересничанье и кокетство мастера, треп в присутствии прекрасных дам. Тем более Марго ему нравится. Они обе ему нравятся. В смысле, Зоя тоже...

– Я их не боюсь, – говорит Марго. – И ее не боюсь. И ты не боишься, не надо трюндеть. Между прочим, напрасно, потому что она ночью оживает. Так что не фиг шляться, понял?

Это намек на недавнюю эскападу Ивана, который ночью с фонариком пошел шарить в буфете – душа горела, а попал в комнату к Елене, и она подняла дикий визг. Ей бы промолчать, дурехе... так нет! В итоге все повывлетали в коридор кто в чем, перепугали друг друга до полусмерти, тем более перегорели пробки и темень была хоть глаз выколи.

Иван Денисенко задумывается...

– Жуткая баба, – ежась, говорит о Маске Елена, приятельница Марго, – аж мороз по коже. Выбросила бы ты ее, Маргоша, смотри, накличешь!

Елена – актриса, смуглая некрасивая носатая экзальтированная женщина; прекрасно читает стихи «серебряных» поэтов и поет под гитару. Слегка переигрывает во всем: вибрируя голосом, выпуская сигаретный дым, пригубливая вино, хватая за руку собеседника и «читая» по ладони; шурясь, взглядывая в упор исподлобья... одним словом, осеняет себя таким театральным душком демонизма.

– Эта парочка как двуликий Янус, – говорит о подругах Иван Денисенко. – Инь и янь. Свет и тень. А страшна-то, страшна – не приведи господь! Но! – Он поднимает указательный палец. – Что-то в ней есть! И личность. Ты видел ее на сцене? – обращается он к сыну Мэтра, Диму. – Кого она, так сказать, воплощает? Леди Макбет? Екатерину Медичи? Серийную убийцу?

– Не видел. А ты спроси, если не боишься, – предлагает тот.

– Спрошу. А эта, – он кивает на женщину в кресле и понижает голос до шепота, – внутри живая! Права Марго. Дышит и шевелится, когда никто не видит. И кашляет! Клянусь, сам слышал!

Иван еще и не такое увидит и услышит! А не увидит, так соврет запросто, как всякий творческий человек. Тем более у него интерес к оккультизму, мистике, парапсихологии и вообще всякому полтергейсту то ли истинный, то ли дань моде. А еще он склонен к депрессии и не дурак принять в хорошей компании, как читатель уже знает. Человек со всячинкой, одним словом.

Сын Мэтра – Дмитрий Рубан, Дима, Димчик или просто Дим; еще Наследник, – великовозрастный бездельник, на пару лет старше последней мачехи, с очередной подругой Наташей, которую сразу же окрестили Барби. Наташа-Барби. Коса до пояса, большие голубые глаза, нежный голос сирены и олимпийское спокойствие; занимается йогой – каждое утро сидит в позе лотоса на циновке на открытой веранде. Руки на коленях, большой и указательный пальчики колечком, глаза закрыты. На морозе в бикини, и не мерзнет. Уходит в себя. И даже не чихнет ни разу. Как ни странно, не модель, как другие девушки Дима, а наоборот, воспитательница в детском саду, причем в младшей группе. Улыбчива, комфортна, уютна, с мягким приятным голосом.

Дим тоже не дурак принять, терпеть не может «эту глушь» и явился к папе за «алиментами» – поиздержался. С отцом поговорить не удается – тот хандрит и никого не хочет видеть; Дим чертыхается и крутится около мастерской. Он красив, но слегка потерт и плешь на макушке; вид – скучающий и сонный; заметно, что в гробу он видал местную романтику, и если бы не чертовы тугрики, только бы его здесь и видели. Но приходится терпеть язву Елену, недоделанного гения Мишку, манерную дуру Марго, отца с его вечными причудами и капризами... дядю Пашу с охотничьими баснями про поход на медведя со столовым ножом и вилкой... тьфу! Дим уже полгода как безработный, якобы в поиске. Он пробовал себя в журналистике, рекламе, турбизнесе. С последнего места работы – гостиничного администратора – его выгнали за прогулы и пьянство.

А потом он встретил Наташу... Выпивал с Толиком, приятелем, в «Сове», и вдруг тот вспомнил, что жена поручила забрать ребенка, мальчика трех лет, из садика. Толик хоть и вспомнил, но скорее всего на автомате, так как на тот момент лыка уже не вязал. Дим на такси отвез его в садик и там познакомился с Наташей. Усадил друга с ребенком в другое такси и отправил домой, а сам без зонта торчал под осенним дождем, как бездомная собака, ждал девушку. Одно хорошо – пока ждал, протрезвел. Так они подружились...

Следующий персонаж – любимый ученик Мэтра Миша. Михаил Барский. Майкл для своих. Гений, скульптор от бога, надежда старого Мэтра – есть, кому передать печать и ключи. Красив, мужественен, крупные сильные руки; разворот плеч впечатляет. Елена в свое время пыталась познакомиться с ним поближе, но, увы, не срослось. С тех пор она не упускает момент куснуть Майкла... Тем более есть за что. Он мрачен, хронически недоволен, считает окружающих филистерами и презирает. Себя же считает недооцененным в тени мастера и учителя. Как говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Длинные каштановые волосы Майкла заложены за уши, в левом ухе серебряная серьга; коллекция белых свитеров от известных домов моды впечатляет. Прибыл на юбилей с новой подругой Зоей, моделью и львицей: апломб, пустословие, рассуждения о мире моды, высоких знакомствах, тусовках, шопинге в Риме и Париже. Красива, очень неглупа и временами несколько ядовита, полугола; любит всякие словечки-паразиты вроде: чики-пуки, упс, фиг, споки-ноки вместо спокойной ночи. Тоже не дура выпить, «торчит» на сладких тошнотворных ликерах. Постоянно с глянцевым журналом с собственным портретом на обложке под мышкой. Но вполне добродушна и уверена, что любима и является предметом восхищения. Язва Елена спрашивает ее о Париже, Зоя рассказывает, сильно жестикулируя... у нее очень красивые руки. Елена, ухмыляясь, слушает, прячет собственные руки – у нее обгрызенные ногти, что говорит о страстной натуре.

– Ну, дурища! – делится Елена с Марго. – Куриные мозги. Мишка совсем сбрендил! Но красotka – не отнять.

Насчет куриных мозгов скорее из зависти к ослепительной внешности и уверенности, что по закону компенсации раз красotka, значит, дура, и наоборот.

Марго пожимает плечами.

– У него таких знаешь сколько? Грелка!

– Не скажи! На таких охотно женятся... а Мишка сдавать стал, заметила? Разжирел, пузо торчит, плечики обвисли... пьет! Злит на весь мир. И работ новых чего-то не видеть. Творческий тупик, никак? По пьяни возьмет и женится. Такая жена лучше всякой рекламы, видела ее на обложке «Елисейских Полей»? Открывала какой-то фонд... хороша! А чего – он знаменитый скульптор, она светская львица. Звездная пара. И при деньгах, бывший супруг при разводе не покусился.

Марго мрачнеет, раздувает ноздри и не отвечает. Елена с удовольствием поглядывает на подругу. Продолжает:

– А этот Андрей... журналист, извините за выражение! Откуда он выскочил? Ты хоть что-то о нем знаешь? Красивый малый, между прочим.

Марго снова пожимает плечами.

– Пишет книгу про Рубана. – Она называет мужа по фамилии. – Ничего не знаю. Насколько мне известно, напросился сам.

– Этот? Книгу? Представляю себе! – фыркает Елена. – Не похож он на писателя, скорее на футболиста. И анекдоты идиотские.

– Ты же знаешь Рубана, – говорит Марго. – Любит игрушки, как увидит, так и вцепится. И этого сюда притащил, говорит, люблю молодежь вокруг себя, приятно видеть людей с хорошим пищеварением. Мы вообще в Италию к друзьям собирались, и вдруг на тебе – бзики! Похерил Италию, закомандовал на природу. Терпеть не могу эти места... какое-то идолище поганое! И бабы скифские... жуть! Будто насквозь тебя видят, а глаз нет.

– Может, капище?

– Один черт! – машет рукой Марго. – Ночью волки воют. Рубан торчит, говорит, энергия земли, вещая гора, прамир... все такое. Ударился в почвоведение.

– Да тут всех волков еще в позапрошлом веке перебили! – фыркает Елена. – Собаки!

– Откуда здесь столько собак?

– Местные ночью спускают... да мало ли.

– И я об этом! Против кого спускают? – Не дождавшись ответа, говорит: – То-то и оно. Вообще-то я Ивана Денисенко для тебя пригласила.

– Поняла, не дура. По-моему, он запал на Маску... Может, к тебе подбирается?

– Иван? Ко мне? – Марго расхохоталась. – Не смейся. Уж скорее на Зойку глаз положил, так и сверлит. А ты зеваешь, подруга.

– Да он мне по нулям, – фыркает Елена. – А эти двое, чужаки... они тут каким боком? Жутковатая парочка... какая-то потусторонняя, как вампиры.

– Нужники, – роняет Марго. – Адвокаты вроде... не знаю.

Чужаки-нужники – адвокат Артур с супругой Стеллой. Он молчит, взгляд ускользающий, выражение лица словно прислушивается и мотает на ус. Помогает Мэтру с бумагами... налоги, контракты... возможно, завещание, как подозревает Марго. Тощ, бесцветен, с тонкими губами и ранней лысиной; глаза не видны за стеклами очков в тонкой золотой оправе; застегнут на все пуговицы – похоже, даже спит в костюме и при галстук. Познакомился с Мэтром на каком-то приеме, сказал, что видел в «Панораме» в Берлине его «Сивиллу», стоял, смотрел, невероятно сильное впечатление. Мэтр и потек – любит сладкое. И наоборот – замечание самого мелко-травчатого критика от искусства способно вогнать в депрессию или в ярость со швырянием подручных предметов. А ты пойдешь, набей ему морду, хладнокровно предлагает Марго, подбирая разбросанное.

Стелла, жена Артура, молчаливая, маленькая, с челочкой, закрывающей глаза. Постоянно с книжкой; когда к ней обращаются, пугается, краснеет и закладывает книжку пальчиком. Не то секретарь, не то помощник нотариуса. Серая мышка в темных свитерках и джинсах; на левой руке детский золотой браслетик с висюльками – амурчиками, шариками, звездочками, очень милый...

И так далее, и тому подобное – дамские разговоры под рюмочку чего-нибудь густого, липкого и сладкого. Воспоминания о былом, хихиканье, намеки, сплетни и старые фотки – ах, как молоды мы были! Марго обожает фотографировать, запечатлеть мгновение, так сказать, у нее целый альбом в мобильнике.

Еще одно лицо в компании, полуобслуга-полухозяин: егеря дядя Паша с охотничьими мифами и баснями, личный друг Рубана. Эх, сколько дичи добыто и сколько водяры выж... в смысле, выпито! Все в прошлом. Дядя Паша – вдовец, крепкий, кряжистый, надежный, живет в доме круглый год, на правах не то дальнего родственника, не то мажордома и хранителя ключей. То дров нарубит, то крышу починит, руки у него растут правильно. Есть еще Лиза,

местная женщина, помогающая по хозяйству, когда приезжают хозяева, подруга дяди Паши. Небольшая, без возраста, улыбчивая и любопытная, прекрасная кухарка.

Одним словом, чертова дюжина... не к ночи будь помянут враг рода человеческого!

Глава 2

Беспокойная ночь

*...Мы знаки видели, все те же, не однажды:
Но вечно сердцу нов их обманувший смысл.*

Вячеслав Иванов. Знамена

– Где, интересно, этот придурок? – спросил Дим, появляясь на пороге гостиной. – Лиза говорит, ужин готов, а запить нечем. Почти два часа, можно было пешком!

– Дорогу завалило, застрял, – предположил Иван Денисенко.

– В руках не донесешь, – сказала Елена. – Пьете как лошади. Если бы застрял, позвонил бы. Хотя связь тут... извините меня. Загулял! Марго говорит, там есть бар.

– Бар! Громко сказано. Забегаловка, а не бар.

– Кто он вообще такой? – спросила Зоя. – Миша говорит, никогда его раньше не видел. Марго!

– Журналист. Нормальный, по-моему. Я его не знаю, знакомый Рубана.

– Не зна-а-аешь? – нараспев удивилась Зоя. – Красавчик! И накачанный. Миш, тебе тоже надо бы в фитнес... между нами, девочками.

– Закрой рот, а? – сказал Миша, не отрываясь от камина, который пытался разжечь.

– Грубиян!

Она бросила в него журнал – тот, что вечно таскала с собой. Журнал смачно шлепнулся на пол. Иван Денисенко сорвался с места, подобрал и с поклоном вернул Зое. Елена фыркнула. Зоя улыбнулась и кивнула. Иван расцвел. Зоя была в черном коротком платье с открытой спиной, вокруг шеи – добрый десяток длинных ниток розоватого жемчуга, в ушах крупные сферические жемчужины мабе – тоже розоватые.

Иван плюхнулся рядом и сказал вполголоса, настойчиво заглядывая ей в глаза:

– Завтра обещали солнце, хочешь, поработаем? Здесь классные пейзажи, сосны реликтовые, а Гнездо под снегом – вообще фантастика! Закутаю тебя в меха... – Он поцеловал кончики пальцев.

– Можно, – сказала Зоя. – Только я люблю поспать.

– Давай в десять, когда тени еще синие. Мишка отпустит?

– А мы не спросим, – хихикнула Зоя.

– Марго, а если поискать? – сказал Дим. – У нас же всегда пошла завались! Я свой энзэ уже спалил... Может, посмотришь?

– Втихаря спалил?

– Не, мы с Иваном. Правда, Иван?

Иван не услышал, вибрировал около Зои. Миша время от времени метал в них убийственные взгляды. В разговоре участия он не принимал, разжигал камин – в доме было прохладно. Елена примостилась рядом, смотрела. Слабый оранжевый огонек заплясал под сквознячком. Елена протянула к теплу руки, коснулась его плечом. Миша отодвинулся.

– У меня ничего нет, – сказала Марго. – Только пара бутылок пива и домашнее яблочное вино... кисляк на любителя. Есть еще ежевичное... – Она пожала плечами.

– Да, ситуевина. Надо бы дядю Пашу потрясти.

– Не даст, – сказала Марго. – Жлоб. А ключи у него. Рубану выдает, значит, есть.

– А если Мэтра попросить? – вмешалась Елена. – Пусть скажет дяде Паше.

– Мэтр в образе, – сказала Марго. – Творческие терзания и депресняк. Ничего он никому не скажет. Да и спит уже, наверное.

– Пойду, возьму за шкуру дядю Пашу, – сказал Дим. – Он мужик понимающий. Сейчас изобразим.

– Девчата, накрывайте на стол! – сказала появившаяся на пороге Лиза. – Марго, командуй!

На нее приятно было посмотреть: небольшая, ладная, в синем платье и пестром переднике.

– Лиза, у дяди Паши поило есть? – спросил Дим. – Если потрясти?

Лиза засмеялась дробно, махнула рукой:

– Не знаю! А где журналист?

– Пропал. Тут у вас места плохие, кто не знает, лучше не соваться.

– Хорошие места. Хозяин любит. Охота опять хорошая...

– Может, попросишь?

– Ой, нет! Я к нему не мешаюсь, иди сам.

– Удачи! – желает Иван, и Дим уходит.

– Елена, Зоя, Стелла! – кричит Марго. – Девочки, подъем!

Стелла вскочила первой, отложив книжку. Казалось, она чувствует себя неуверенно в чужом доме, среди чужих. Она подошла к Марго и спросила, что делать. Марго снисходительно ответила, что нужно достать из буфета тарелки, квадратные, с драконом...

Елена стала доставать бокалы. Зоя по-прежнему сидела на диване – накрывать на стол ей было неинтересно. Рассматривала длинные акриловые ногти цвета ядовитой малины.

...Они засиделись за полночь. Дим разжился у дяди Паши двумя литрами водки – вырвал из глотки, фигурально выражаясь. Елена достала миндальный ликер из личных запасов. Горел, потрескивая, камин; ритмично вспыхивали фонарики на елке; пили за Новый год, творчество, любовь, мелодично звякали бокалами; ветер, подвивая, швырял в окно снежную крупу, и казалось, что там бьется жесткими крыльями саранча – в природе похолодало, прекратился надоевший мокрый липкий снег, а потом вдруг посыпали сверху жесткие крошки льда. В гостиной было уютно и по-домашнему. Когда опустели тарелки, Марго скомандовала убирать со стола и нести чашки.

– А журналист так и не вернулся, – сказала вдруг Зоя. – И не позвонил. Интересно, почему?

Наступила тишина. Все переглянулись. Трещали поленья в камине; по стенам метались красные блики. Сверкала в углу елка в гирляндах крошечных разноцветных фонариков.

– Да что могло случиться, – сказала Елена после паузы. – Загулял. – Уверенности в ее голосе не было.

– Где? Тут негде загулять, – сказал Дим. – Дядя Паша сказал, он взял «Лендровер» отца, тачка надежная...

– Его нет уже шесть часов, – сказал Артур. – Что-то случилось.

Ему никто не ответил. Как-то сразу улетучилось радужное настроение и стало неуютно и тревожно...

– Пойду, спрошу у дяди Паши, – Дим поднялся. – Может, вернулся. Устал, пошел к себе.

– Мы бы услышали мотор, – уронила Наташа-Барби. – Он не вернулся...

...Журналист действительно не вернулся. Дядя Паша сказал, что пару часов назад походил вокруг дома, прошелся немного в сторону поселка, но никого не встретил. Снова пошел снег, следы занесло. Надо бы сходить еще раз.

В два ночи отряд добровольцев из всех наличных мужчин числом пять, вооруженный фонарями, охотничьими ружьями, топором и лыжными палками, оставил пределы Гнезда и взял курс на поселок. Женщины тоже было сунулись, но им приказали сидеть дома и ждать. Все

были преисполнены серьезности момента, немногословны и суровы. Первым шел дядя Паша с охотничьим ружьем, за ним Дим и Миша, тоже с ружьями, потом Иван Денисенко с топором, замыкающим – Артур с лыжными палками.

Ночь была какая-то невнятная, нетемная; с небес по-прежнему сыпал мелкий сухой снег; он забивался в глаза и нос, мешал дышать. Дим все время чертыхался, он вообще не любил ходить пешком.

Через тридцать минут они достигли поворота, и дядя Паша поднял руку, призывая отряд остановиться. Картина, представившаяся их глазам, была весьма зловеща: снесенная деревянная ограда, и внизу – перевернутый автомобиль, полузасыпанный снегом. Фары его слабо светились, в их желтоватом свете мельтешил густой снежный рой. Ошеломленные, они сгрудились у разбитой ограды, смотрели, испытывая чувство нереальности и вместе с тем некой потусторонней обреченности. В глубине души каждый вдруг осознал с тоской, что ожидал и предчувствовал недоброе, то ли слова какие-то были сказаны, то ли затрещало как-то особенно громко полено в камине, то ли собака выла...

Автомобиль внизу напоминал умирающее чудовище с потухающими глазами. Чувство, что *она* умирает, что среда вокруг враждебна, что тысячи глаз наблюдают за ними и ждут, было настолько сильно, что они стояли неподвижно, словно окаменев, не в силах сдвинуться с места. Вокруг, сколько хватало глаз, висела белесая пелена, в ней слабо угадывались холмы и исполинские тяжелые реликтовые сосны – оттуда напоязал туман...

– Что за хрень... – пробормотал Дим, сглатывая. – Чертовщина!

– Пошли! – приказал дядя Паша и, скользя, боком, стал спускаться с откоса.

И все сразу же стало на свои места, и чары развеялись, и страх прошел. Они разом вдруг облегченно загомонили и заскользили вниз, цепляясь за кусты.

Спустя несколько минут компания достигла лежащего на боку «Лендровера». Свет фонарей осветил пещерное нутро машины, треснувшее лобовое стекло в мутно-красных пятнах и распахнутую помятую дверцу со стороны водителя. Сиденье покрывал тонкий слой снега, сквозь него просвечивали темные пятна... Кровь.

Они молчали, стояли вокруг, светили фонариками. Машина была пуста.

– Что за... – повторил Дим ошеломленно. – Там никого нет!

– Куда же он делся? – растерянно произнес Иван Денисенко.

– Выбросило, – сказал Артур. – Нужно искать вокруг!

...Около двух часов они бродили вокруг и звали. В пять, когда посерел воздух, предвещая недалекий рассвет, они снова собрались у перевернутого автомобиля.

– Может, ушел в поселок? – предположил Иван.

– Какой, к черту, поселок? До Гнезда ближе. И кровь везде.

– Если была травма, он ничего не соображал.

– Надо вызывать полицию, – сказал дядя Паша. – Пусть привезут собак. Ни хрена мы не найдем, снег валит и валит.

– Если он лежит в снегу, то... – Иван не закончил фразы.

– Если? А где он, по-твоему? – перебил Дим. – Конечно, лежит... где-нибудь.

– Но мы же все здесь осмотрели, – сказал Артур.

– Засыпало снегом. Надо было взять Нору.

– Надо, не надо... Хорош! Возвращаемся! – приказал дядя Паша, и они потянулись за ним цепочкой, скользя и оступаясь, с трудом поднимаясь наверх к дороге.

– Проклятые фары еще горят, – пробормотал Иван, оглядываясь уже наверху, остро сожалея, что не захватил камеру. Классный получился бы кадр!

...Поиски пропавшего журналиста продолжались весь день до сумерек. Полиция в лице лейтенанта-участкового и его помощника, растерянного паренька, добровольцы из поселка,

собаки... Безрезультатно. Журналист исчез, словно сквозь землю провалился или растворился в воздухе. Это было непонятно и страшно.

– Ненавижу эти места! – страстно сказала Марго, сжимая кулаки. – Ненавижу! Эти каменные бабы, валуны, колодцы...

Все обитатели Гнезда собрались в гостиной. Было холодно, камин не разжигали – не до того было.

– Какие колодцы? – ухватился за непонятное Иван.

– Без воды! Сухие. Связь с потусторонним миром. Тут же все сдвинутые, одни старухи доживают. Ведьмы! И каменные бабы по пять тысяч лет. Можешь себе представить – пять тысяч лет! И ничего, и еще столько же простоят. Нас не будет, а они будут стоять...

– Нужно позвонить его родным, – сказал Елена.

– Мы понятия не имеем о его родных, мобильника-то нет, – сказал Дим. – Кто-нибудь хоть что-то о нем знает? Марго!

– Я же сказала, не знаю! – закричала Марго. – Его Рубан пригласил, сказал, будет писать книгу.

– Да не ори ты, и так тошно! Не знаешь, и не знаешь. А вообще странно... он что, с неба упал? Никто ничего...

– Спроси сам у отца!

– Спрошу.

– А где же его мобильник? – спросила Зоя. Брови ее взлетели, глаза стали круглыми, рот приоткрылся, сейчас она напоминала маленькую девочку. И платье на ней было детское – коротенькое, правда, с открытой спиной. Она любила платья с открытой спиной, прекрасно зная, что спина у нее очень красивая.

Ей никто не ответил.

«Дура или притворяется?» – подумала Елена, ухмыльнувшись.

– Наверное, в кармане куртки, – сказал Иван. – Мэтр уже знает?

– Еще нет, – сказал дядя Паша. – Думали, может, найдем.

– Надо сказать.

– Надо.

– А если обыскать его комнату? – сказал Артур. – Документы, записные книжки... Как его фамилия? Зовут Андрей, а фамилия?

– Сотник. Андрей Сотник, – сказал Иван. – Я спросил про Алешу Добродеева, тоже журналист. Он сказал, что знаком. Тогда я спросил фамилию, подумал, при случае спрошу у Лешки. Вообще-то можно позвонить ему, расспросить, что за человек...

– Из какой он газеты? – спросил Дим.

– Как я понял, свободный художник. Мысль правильная, надо обыскать.

– Пошли! – сказал Паша.

...Они вытряхнули на кровать барахло из спортивной сумки пропавшего журналиста: пара свитеров, три футболки, несколько маек, носков и трусов, спортивный костюм, носовые платки. В крохотной ванной – пена для бритья, лосьон, дезодорант, бритвенный станок...

Ни паспорта, ни журналистского удостоверения в комнате Андрея Сотника они не нашли.

– А где его планшет? – спросил Артур. – Должен быть... если он журналист. – В голосе адвоката прозвучал сарказм.

– Что ты хочешь сказать? – взвилась Марго. – Что он не журналист?

– Ничего я не хочу сказать. Тебе лучше знать, раз он у тебя в доме.

– Да здесь полно... – Марго с трудом удержалась от крепкого словечка. – Ты тоже у меня в доме, а я о тебе ничего не знаю! Может, поделишься?

– Марго, перестань! – резко сказал Дим. – Нашли время. Артур!

Артур поднял руки, сдаваясь, промолчал. На лице его застыла кривая ухмылка.

«Судейский, – подумал Иван и поежился, вспомнив, как делил имущество со своей бывшей при разводе. – Шакалы!»

Поиски продолжались еще некоторое время... искать, собственно, было негде: в письменном столе с одной тумбой, под подушкой, в пустом шкафу. Планшета им обнаружить не удалось. Ни планшета, ни мобильного телефона.

Они вернулись в гостиную, и разговор снова покатил по наезженной.

– Не понимаю, куда он делся! – в который раз сказал Дим. – Какого черта! Тут просто некуда деться.

– Ага, некуда! Да тут везде чертовщина! В воздухе чертовщина. Полно камней...

– Каких камней? – спросила Зоя.

– Валунов, – сказала Наташа-Барби своим мягким голосом сирены. – Ледник принес. Им миллионы лет. И мегалиты, я видела.

– Во-во! Рубан говорит, прамир, – фыркнула Марго.

– Прамир?

– Прамир. А еще экологический анклав. Тут все не как у людей. Древние алтари, тут жертвы приносили, могильники какие-то... а бабы? Жуть! Рубан показывал в лесу папоротники реликтовые, метра по два, а хвощи вообще жуткие, как деревья. И сосны! Говорят, таких больше нигде не осталось. Рубан воду из ручья сдавал в лабораторию, там чего только нет, всякие редкие минералы, он только ее и пьет, дядя Паша банки таскает. Мы летом в лесу были, он отошел, так я чуть головой не поехала! Такой ужас навалился, не передать, будто смотрят на меня! Ору, как полоумная, он выскакивает из кустов, а меня трясет...

– Где же это, интересно? – спросил Дим. – Не помню мегалитов. И папоротников не видел. Какие-то дамские заморочки. – Он фыркнул: – Алтари, надо же!

– Потому что тебе неинтересно, – сказала Наташа-Барби. – Прамир – женское начало. Здесь сохранились остатки культуры палеолита. Лиза рассказывала, они часто находят древние орудия, ручей вымывает. Кости, кремни. И каменные женщины оттуда же. Здесь даже воздух другой... неужели не чувствуете? Хвощи, папоротники, может, и животные сохранились.

– Чупакабра, – сказал Иван. – Тоже из палеолита. Могла запросто дожить. Или ящер...

– Не слышно вроде, – сказал дядя Паша. – Спокойно.

– Женское начало? – переспросил Дим. – Конечно, всегда одно и то же: шерше ля фам. А куда оно утащило нашего журналиста, твое женское начало? Ответь как женщина.

Наташа-Барби пожала плечами.

– Тут есть волки, – заметила Елена. – Могли утащить. Воют ночью.

– Дядя Паша! Могли утащить волки?

– Тут нету волков. Есть лисы и собаки, набегли из города и одичали. Черт их знает, зверюги злые, выродились на воле. Правда, промышляют больше зайцев, людей не трогают. До сих пор не трогали.

– Не трогают, потому что никакой дурак по ночам не шляется. А тут форс-мажор. Может, и утащили.

– Вряд ли. Разорвали бы на месте, зачем утаскивать...

– Замолчите! – кричит Марго, зажимая уши ладонями. – Я больше не могу!

– Надо сказать Леонарду Константиновичу, – говорит Наташа-Барби.

– Вот иди и скажи, – говорит Дим.

– Не надо! – кричит Марго. – Пока не надо, ему совсем плохо. Может, журналист вернется.

Наташа-Барби молча поднимается и выходит. Движения ее неторопливы, лицо безмятежно – кажется, она единственная из присутствующих, кто сохраняет спокойствие.

– Каменная баба... – бормочет Дим. – Мегалит. Как же, скажи ему. А он в тебя бутылкой. А потом давление подскочит и кирдык.

– Заткнись! – кричит Марго. – Останови ее!

– Сама останови! – огрызается Дим. – Ее остановишь, как же.

– Надо же кому-то, – говорит Артур. – Я, пожалуй, тоже поговорю с Леонардом Константиновичем.

Наташа и Артур в отличие от других называют Мэтра по имени и отчеству. Дядя Паша называет его Хозяином.

– Идиотизм, – цедит Миша. – Кто еще?

Артур выходит, Стелла смотрит ему вслед. Она без книги, не знает, куда девать руки. Сидит, потерянная, переводит глаза с одного на другого.

– Не-на-ви-жу! – говорит Марго страстно. – И просила же, не надо сюда... как назло! Могли в Италию, друзья звали... не даром здесь никто не живет! Вымерли, а новые не приживаются, и бабы эти... Жуть! Ненавижу! – Она с размаху бьет кулаком в диванную подушку...

Глава 3

Поздний гость

*...Вдруг у двери словно стуки, – стук у входа моего.
«Это – гость, – пробормотал я, – там, у входа
моего.
Гость и больше ничего!»*

Эдгар По. Ворон

– Иван, звони своему другу, спроси про Сотника! – приказал Дим.

Иван достал мобильный телефон и побежал на крыльцо, где кряхтя взобрался на перила – иначе не ловит по причине гиблости места. Он вернулся через десять минут и доложил, что Леша Добродеев Андрея Сотника не знает.

– И что бы это значило? – спросил Дим. – Может, он не журналист вовсе?

– Необязательно. Лешка не может знать всех. Он обещал поспросить у коллег. Перезвонит завтра.

– Час от часу не легче. То исчез, то никто не знает. Откуда он вообще взялся?

И тут вдруг раздался стук в дверь. Дверного звонка в Гнезде не было. Громкий, убедительный стук разнесся по дому, и дом, казалось, срезонировал, как пустая коробка; стучали массивным медным кольцом, привинченным посередине двери.

Марго вскрикнула.

– Что за черт, – пробормотал Дим. – Кого это принесло на ночь глядя...

– Тятя, тятя, наши сети притащили... – негромко сказал Артур.

– Вы не могли бы заткнуться? – Миша обернулся от камина и смерил адвоката взглядом.

– Это журналист! – пискнула Зоя. – Вернулся!

– И ты помолчи. Не пори ерунды, и так тошно.

– Тебе всегда тошно! Особенно по утрам.

Елена фыркнула.

– Пойду, гляну. – Дядя Паша встал.

– Осторожнее, – сказала ему вслед Елена. – Возьмите ружье! Ребята, пойдите с ним, мало ли...

Поднялся один Иван, остальные не шелохнулись. Елена иронически хмыкнула и тоже поднялась:

– Ладно. Пошли, Иван.

Никто не произнес ни слова. Прислушивались. Отворилась дверь, по гостинной пронесся холодный сквознячок, раздалась громкие возбужденные голоса. Слов было не разобрать.

– Точно журналист, – повторила Зоя. – Нашли тело.

– Заткнись! – крикнула Марго.

– Фи, как грубо. Тебе не хватает манер, дорогая.

– Не смей называть меня «дорогой»!

Зоя ухмыльнулась:

– Миша, скажи своей подруге, что хамить гостям неприлично.

– Марго, ты бы попридержала язык, – сказал Миша.

– Пошел на фиг! – взорвалась Марго.

– Идут... – сказала тихо Стелла.

Они усталились на дверь. На пороге появилась Елена и объявила:

– Гость в дом! Прошу любить и жаловать.

– Алексеев. Федор Алексеев. Добрый вечер, господа! – произнес звучным голосом мужчина, стоявший рядом с Еленой. Был он высок, темноволос и темноглаз, у него было приятное лицо и хорошая улыбка. – Дороги засыпало, едва добрался.

– Мой друг! – сказал сияющий Иван из-за плеча гостя. – Философ! Открываем дверь, батюшки-светы, глазам своим не верю! Федя, друг сердечный! Откуда, спрашиваю, свалился?

– Кто? – не поверил Дим. – В каком смысле философ?

– Профессор философии! Мой старый дружбан. Прошу любить и жаловать. Проходи, Федя, садись. Молоток, что приехал. Кушать хочешь? Прибыл как раз к ужину.

– Вы заблудились? – спросила Зоя, с улыбкой рассматривая нового гостя. – Или упали с неба?

Федор улыбнулся:

– Меня пригласил Леонард Константинович, рассказал, как добраться. Дорогу засыпало, я два раза терялся. Так что с парашютом было бы проще. Погодка вполне новогодняя.

– Он ничего про вас не говорил, – сказала Марго.

– Не успел. Маргоша, принимай гостя, – сказала Елена. – Федор, добро пожаловать в наш спетый коллектив. Будьте как дома.

– Надеюсь, Леонард Константинович здоров? – спросил гость, обводя их внимательным взглядом карих глаз. – Хотелось бы засвидетельствовать... так сказать.

– Здоров, здоров. Засвидетельствуешь, а как же! – сказал Иван, подталкивая его. – Давай приходи в себя, и за стол.

– Может, хотите переодеться? – сказала Елена. – Я провожу... Паша, в какую комнату?

– Пошли, – бросил дядя Паша. – Сам провожу. Ты Любу позови, скажи, в пустую крайнюю. Пусть принесет чего надо.

– Не надо в крайнюю! – воскликнул Иван. – Там привидения. Он будет со мной. Мы в одной. Сам провожу. Пошли, Федя!

– Интересный мужик, – сказал Дим, когда они вышли.

– Красавчик! – перебила Зоя. – А Елена-то наша как завибрировала! Надеется, болезная.

– А где Наташка? – вдруг спросил Дим. – Пора бы им вернуться. Или случилось непонравимое?

Они переглянулись. Дим вскочил...

...В мастерской горели два неярких боковых светильника. Холод был как на псарне. Рубан сидел в кресле в расстегнутой дубленке, надетой на полосатый черно-зеленый махровый халат, нечесанный, заросший седой щетиной. Окна на веранду были раскрыты, под окном намело сугроб. С одной стороны от него сидела на табурете Наташа-Барби, держала его за руку; с другой, на полу – Нора. Поодаль стоял Артур. Нора поднялась Диме навстречу, завияла хвостом, ткнулась головой в колени.

– Отец, ты как? – спросил он. – Не простудишься?

– О, сынок! Вспомнил про старого папу, пришел. Спасибо, сынок. Если даже и простужусь, кого это трогает.

– Дима, я тут спросила Леонарда Константиновича, сказала, что мы все выпили. Он сказал, дядя Паша даст, – сказала Наташа-Барби.

Дим вытаращил глаза.

– Леонард Константинович сказал, что распорядится, – с нажимом повторила Наташа-Барби, смотря на него в упор, словно намекая на что-то. – Леонарду Константиновичу уже лучше...

Дим недоуменно уставился на девушку.

– В глотках пересохло? – спросил Рубан.

– Знаешь, если ты рассчитывал, что народ будет пить чай, то... сам понимаешь.

- Не идиот, не рассчитывал. Надо было взять у Паши.
- Так он же не дает!
- Неужели выжрали весь погреб? – удивился Рубан. – Однако. Искали?
- Где? Марго не знает.
- Надо было съездить в поселок.
- Так пытались же! – вырвалось у Дима.

Наташа-Барби схватила его за руку и сказала:

- Пытались, но дорогу завалило.

Она покачала головой, и тут до Дима наконец дошло: они не решились сказать отцу про журналиста! Он взглянул на Артура – тот пожал плечами.

- Леонард Константинович, я принесу вам поужинать.
- Спасибо, девочка. – Рубан погладил Наташу-Барби по щеке.
- Отец, тут еще один гость заявился на ночь глядя, – сказал Дим. – Говорит, ты пригласил.
- Я пригласил? Никого я не приглашал. Кто таков?
- Какой-то философ. В смысле, профессор философии. Друг нашего Ивана.
- Профессор философии? – недоуменно переспросил Рубан. – Какой к черту... – Он

запнулся, подумал и сказал: – Точно, пригласил. Профессора философии... да! А кому не нравится, не держу, скатертью дорога. Где он?

- Переодевается. Иван забрал его к себе в комнату.
- Выйти разве на люди... – Рубан задумался, пожевал губами.
- Я могу привести его сюда, – сказал Дим, поймав взгляд Наташи-Барби.
- Ладно, уговорили. Засиделся я чего-то... Выйду! – решил Рубан. – Позови Пашу!

Наташа-Барби поднялась.

- Вы что, не сказали ему про журналиста? – спросил Дим в коридоре.
- Мы собирались, но Леонард Константинович выглядит неважно, – сказал Артур. –

Подумали, что надо подождать до завтра, может, что-то прояснится.

- До завтра? Он увидит, что его нет за столом... Надо сегодня! Придумали, что соврать?
- Никто не ожидал нового гостя, – сказала Наташа-Барби. – Нехорошо получилось.
- Идиотская ситуация! Что теперь делать?
- Придется сказать.

– Слушай, тут такое дело... ты нравишься отцу, – шепотом сказал Дим, оглянувшись на Артура. – Может, поговоришь? Ты же видела, как он со мной. А тебе не откажет, даст.

- Это ваши дела, Дим, не хочу вмешиваться.
- Наташка, ты чего? Мы ж на нуле!
- Нет.
- Ну и дура.

Наташа не ответила; лицо ее сохраняло спокойное и мягкое выражение – похоже, она нисколько не обиделась...

...Рубан принял нового гостя в мастерской. Он был чисто выбрит и причесан, вместо халата на нем были джинсы и синий свитер.

– Федор Андреевич? – Он поднялся навстречу Алексею. Бородатый коричневый терьер осторожно подошел к гостю, обнюхал. – Нора, фу! – сказал хозяин.

– Можно Федор. Добрый вечер, Леонард Константинович. Привет, Нора! – Он потрепал собаку по голове.

- Рад, рад. Весьма. Как вы добрались?
- С трудом, два раза терял дорогу. Все завалено снегом, после Зареченска уже не чистят.
- Места здесь глухие. Почистят, конечно, но не сразу. Бывали у нас раньше?
- Бывал. В студенческие времена в Ладанке был молодежный лагерь.
- Уже нет. Запустение, сорная трава, павильоны растащены. Тишина первозданная.

– Помню, речка была...

– Была и есть. Зорянка. Спасибо, что приехали, Федор. Я, признаться, сомневался. – Он встал с кресла, на цыпочках подошел к двери и распахнул ее настежь. Выглянул, убедился, что в коридоре никого нет. Пробормотал: – Никогда не знаешь... Кузнецов сказал, пришло толкового парня, бывшего оперативника. Можешь ему довериться. Сегодня поговорить не получится, давайте завтра с утра. А сейчас поужинаем, обзнакомимся, посидим у камина.

– Хорошо, Леонард Константинович. Что вы скажете своим?

– Что ты посредник в сделке, хотят, мол, купить две мои работы... а у тебя связи, ты надежная фигура. Без имен. Напускай туману, у нас любят теории заговора. В смысле, сплетни... хлебом не корми. Как там Леня Кузнецов? Он рассказывал, как мы познакомились?

– Без деталей.

– Мою жену Лиду сбила на машине какая-то пьяная сволочь, два с половиной года назад, двадцатого августа... как сейчас помню. Позвонили мне, так и так. Нужно приехать в морг при городской больнице... а я ничего не соображаю! Вел дело Кузнецов, виновного так и не нашли. Лида... мы хорошо жили, а тут вдруг такое. Я не мог поверить, что вот так запросто можно лишить человека жизни... запил, как водится. Марго – четвертая. Вы уже познакомились?

– Меня представили. Это ваши друзья?

– Миша Барский – мой ученик, способный художник, парень хороший, но какой-то... все не в радость, все не так, мечется, а чего хочет – самому неведомо. Ему бы в пустынь, чтобы никого кругом, и жить в пещере. Рисовать мамонтов. Привез какую-то безмозглую диву, цапаются все время. Ну, да у него вечно проблемы с женщинами, мягкий очень, они ему на голову садятся. Дима – мой бездарный сын, с очередной девушкой Наташей. Шалопай! А она хороша... особенно по утрам. – Он ухмыльнулся. – Сам увидишь. Подруга Марго Елена – ядовитая особа, но забавная, стихи читает и поет под гитару. Иван Денисенко...

– Ивана я знаю.

– Прекрасный мастер, но депрессивный, хотя по виду не скажешь. Еще Лиза и Паша, служба, так сказать, почти члены семьи. Теперь ты... философа у нас еще не было. Добро пожаловать! Ничего, что я на «ты»?

Федор кивнул.

– Я тут немного расклеился, накатило... Хорошо, что приехал. Места здесь сказочные. Я люблю, а они носы воротят, им город подавай. Всякие рассказы ходят...

– Рассказы?

– Да болтают всякое, места тут необжитые, старики вымирают, новые не приживаются. Это прамир, Федор. Кусок древнего мира, который дожил до наших дней. Тут такие реликты сохранились... не поверишь! Гигантские папоротники, хвощи! А сосны! Каменные бабы стоят под холмами, говорят, сторожат от чужих. Скифские, пять тысяч лет. Марго, дуреха, их боится. Что с них взять, городские, от чистого воздуха в обморок падают. Я-то думал, на лыжах пойдём, в лес, костерок... как в добрые старые времена. Мясо пожарим, да на морозе горяченькое, с пылу с жару под водочку... Куда там! Сидят по норам, пьют. Вылакали весь погреб. Я Паше приказал: не давать! Энзэ на праздник. Пусть в поселок едут. Ну, ради тебя распечатаем, так и быть. Скучно мне, понимаешь? Силы есть, замыслы, а люди вокруг не те! Единомышленников нет, я как мамонт, понимаешь? Тоже реликт. Вроде хвоща или каменной бабы, потому и прижился тут. Суетные людишки, поговорить не с кем. Надоели. Одна радость – журналист Андрей, книгу пишет про меня. И Нора, любимая девочка. – Собака, слышав свое имя, испустила протяжный вздох и замолотила хвостом. – Хорошая девочка, умница! – Рубан погладил ее по голове. – Книга! Какая там книга! Ему в блогах только писать на их новоязе... «алень», «иксперд», «превед медвед»... Что это, Федя? Вывернутое чувство юмора или элементарная безграмотность, прикрытая фиговым листком оригинальности? – Федор улыбнулся, вспомнив своих учней. – Но парень хороший, без вывертов. А эти недоделанные гении уже вот где! – Он

резанул себя ребром ладони по горлу. – Достали. – Он помолчал немного и сказал: – Ладно, ты меня, старика, не слушай. Разнюнился... самому противно. Хорошо, что приехал. Пойдем на лыжах завтра?

Не успел Федор ответить, как в дверь постучали, и вошла тонкая высокая, сильно накрашенная женщина в длинном черном открытом платье; короткие белые волосы ее стояли торчком, тяжелые серебряные серьги с кораллами мели голые плечи. Федор встал.

– Моя любимая жена и верная подруга Марго! – объявил Рубан. – Ручку, королева! – Он схватил руку жены, прижался губами. – Красотка, правда? Дорогая, это мой старинный приятель Федор Алексеев.

Федор улыбнулся:

– Наслышан. Очень приятно. Мой друг Леша Добродеев много рассказывал о вас.

– Лешка? Представляю себе! – фыркнула Марго. – Пошли, господа! Все ждут.

И они пошли...

Глава 4

В доме мертвеца...

Рубана встретили аплодисментами, стоя. Он махнул рукой – полно, но заметно было, что доволен. Поместился во главе стола; глянул царственно. Гости потянулись к столу, стали шумно рассаживаться. Марго уселась напротив супруга, через стол.

Рубан постучал ножом по бокалу.

– Тишина, друзья! Прекрасный вечер, Новый год, первозданная природа... жить да радоваться. Гости в доме, огонь в камине, стол накрыт... больше и желать нечего! Спасибо, что уважили старика. Вот, новый гость пожаловал, философ! Федор Алексеев, профессор философии. Расскажет про смысл жизни. Расскажешь, Федор?

Федор улыбнулся:

– Расскажу.

– А давайте лучше диспут, – сказал Миша. – Или семинар. И чтоб оценки обязательно.

– Согласна! – воскликнула Зоя. – Хочу про смысл жизни!

– Твоей? – уронил Миша.

– Ты думаешь, в твоей больше смысла, чем в моей? – парировала Зоя.

Рубан снова постучал ножом по бокалу.

– Вы не подеритесь, ребята, у вас же медовый месяц, как я понял. Смысла вообще нет ни в чем, кроме творчества и любви. Федор, согласен?

– Согласен, Леонард Константинович.

– Bravo! – захлопала в ладоши Елена. – Я всегда догадывалась.

– Насчет творчества согласен, – сказал Иван. – А любовь – допинг для творчества, а не смысл жизни.

– Допинг? Любовь, по-твоему, допинг? – взвилась Марго. – Да ради любви идут на подвиг!

– Или на подлость, – добавила Елена.

– Значит, любовь – допинг для подвига, только и всего, – подытожил Иван. – Или для подлости. Допинг, а не смысл! Приправа.

– Виагра! – хихикнул Дим.

– Ладно, господа. Кому для подвига, кому для подлости, зависит от мировоззрения и нравственности персонажа, – сказал Рубан. – Насчет виагры – хорошо сказано, сынок. А о какой любви, собственно, речь? К человеку или к чему другому? К деньгам, к славе, а? Миша, как по-твоему?

– У меня творчество не связано ни с чем, кроме моей фантазии и моего эго. Любовь, страсть, восторг... не мое. Тем более виагра.

– Ну и зря, – заметила Зоя.

– Однако в жены мы выбираем красивых женщин, а не первых попавшихся, – вмешался Иван.

Миша пожал плечами:

– Эффектных, я бы сказал. С кем не стыдно показаться на люди.

– Неудивительно, что ты не женат! – фыркнула Зоя. – Что, Мишенька, не идет никто?

– Зато ты нарасхват! – съязвила Марго. – Сколько раз замужем? И каждый раз приличный куш при разводе.

– Ты вроде тоже не первая, – сказала Зоя. – Какая по счету? Пятая?

Рубан сиял, переводя взгляд с одной на другую – перепалка доставляла ему живейшее удовольствие.

– Девочки, брэк! – сказал он наконец, снова постучав по бокалу. – Федор, что вы о них скажете как философ?

– Люди с чувством юмора, я бы сказал.

– Слова не философа, а дипломата. Молодец. А теперь вернемся к нашим баранам. В смысле, хочу представить тебе моих гостей. Рядом с тобой мой наследник, сын Дмитрий, с подружкой Наташей. Ивана ты знаешь, он у нас в миноре после развода. Артур и Стелла, мои дорогие гости... – Он вдруг замолчал, обвел взглядом присутствующих и спросил: – А где журналист?

Молчание было ему ответом.

– Где Андрей? – повторил Рубан. – Куда вы подевали журналиста?

– Отец, он уехал, – сказал Дим после паузы.

– Уехал? Куда?

– В поселок. Поехал затовариться...

– Леонард Константинович, мы не хотели вас беспокоить, – вступила своим нежным голосом Наташа-Барби. – Андрей уехал вчера вечером и не вернулся. Мы... в смысле, мужчины и дядя Паша искали его всю ночь, нашли перевернутый джип, а сегодня с полицией и собаками... Его нигде нет, он исчез.

– Исчез?! – загремел Рубан, поднимаясь. – Что значит исчез? Почему не сказали? Что за конспирация? Миша!

– Рубан, не кричи! – Марго тоже повысила голос. – Вчера он уехал за пойлом, слетел вниз на повороте... на твоей машине, между прочим. Ты не говорил, что дал ему джип.

– Почему молчали?! Почему ни одна... – он запнулся, – не пришла и не доложила?

– Мы думали, он появится, – пробормотал Иван. – Какой-то сюр, честное слово...

– Отец, мы искали с полицией и собаками, люди из поселка были... его нигде нет.

– Что значит нет?! Куда же он девался? Взят живым?

– В машине кровь, – сказал Артур. – Ударился он крепко.

– Тут полно диких собак, – сказала Марго. – Могли утащить...

– И вы так спокойно тут сидите?! – рявкнул Рубан, хватаясь за спинку кресла. – И рассуждаете, что его разорвали собаки? И жратва вам в глотку лезет? Стадо!

– А что мы можем? – закричала Марго. – Не ори!

– Пошли вон! Все! – Рубан вдруг пошатнулся, оперся руками в стол... Лицо его мгновенно посерело и усохло, он рванул на груди свитер, со всхлипом втянул в себя воздух и тяжело осел в кресло; голова запрокинулась, глаза закрылись. Он был без сознания.

– Надо положить на диван! – взвизгнула Зоя.

Дим вскочил, бросился к Рубану:

– Отец! Наташка, сделай что-нибудь!

Наташа-Барби взяла руку Рубана. Нора вдруг тонко завывала, подняв кверху морду.

– Не трогай! – закричала Марго. – Если инфаркт, нельзя трогать!

– Надо «Скорую»... – прошептала Стелла и перекрестилась.

– Позови Пашу! – приказал Миша, и Марго выскочила из гостиной.

Дядя Паша явился через пару минут и взял командование на себя:

– Открыть окно! Переносим на диван. Аккуратнее, аккуратнее, ложим все разом. На него находит... сейчас пройдет. Подушку убери, голову ровно! Мокрое полотенце на лоб! Лиза!

Лиза, прибежавшая следом за ним, засуетилась вокруг с мокрым полотенцем, укрыла скульптора пледом...

– Идите к себе, – сказал дядя Паша. – Потом позову, перенесем в мастерскую.

– Жрать охота... – пробормотал Иван. – Слава богу, живой, а то у меня душа в пятки ушла. Пошли, Федя, ко мне, пообщаемся. И принять за спасение надо.

– Может, привезти врача из поселка? – спросил Федор.

– Не надо, – сказал дядя Паша. – Завтра позовем ведьму, она знает, что делать.

Федор взглянул вопросительно.

– Местная бабка, – поспешил Иван, – травница. Здесь этого добра навалом. А врачей нет. Махровое язычество, Федя. Как говорит Мэтр – прамир. Городскому человеку категорически противопоказан. – Ивану от пережитого страха хотелось болтать. – Прямо гора с плеч! Я уже думал, кранты. Тут юбилей, а у меня перед глазами некролог: не дожил. Жирным шрифтом. Пошли, Федя.

– Что случилось с журналистом? – спросил Федор.

Они вернулись в комнату Ивана. Федор достал бутылку «Абсолюта» и коробку жесткого и наперченного копченого мяса.

– Класс! – обрадовался Иван. – Сейчас снимем стресс. Господи, как я рад, Федя, что ты приехал! Понятия не имел, что вы знакомы. Общество так себе, не мог отказать Мэтру. Но огляделся... даже рад, здесь фантастический мир! Такие виды, доложу я тебе! А потом пошел снег, все закрыл. Сидим по норам, вечером собираемся в гостиной. Мишку терпеть не могу за понты. Вечно недоволен, смотрит мимо тебя, цены себе не сложит. А Зоя хороша! На хрен он ей нужен, не пойму. Еще Елена... эта вообще! Актриса. Подруга Марго. А Марго... ты рассмотрел ее? Ядовитый цветок... этот, дурман! Мэтра на старости потянуло на малолеток, у них разница чуть не в полвека. Отлил из гипса, а она раскрасила – сидит у камина как живая, кто не в курсе, слабость в коленках. Мэтр называет ее Маской, а тусовка – Марго-дубль или Идолем. Еще сын Дим, постарше мачехи будет. Этот, как я понимаю, заявился разжиться баблом, невредный малый, свойский. А вот Наташа хороша! Мы ее Барби...

– Иван, что с журналистом? – перебил Федор.

– Да хрен его знает! Ты же слышал – исчез. Тут вообще какая-то чертовщина творится... я, правда, не верю, хотя... – Он ненадолго задумался, махнул рукой. – Мы облазили все, с концами. Никаких следов. Конечно, надо было сказать Мэтру, да никто не посмел. Не поверишь, у меня аж спина взмокла!

– Куда же он делся?

– Говорю же: никто не знает. – Иван мельком взглянул на окно. – Дядя Паша – старожил, и тот ни хрена не понимает. А Мэтр что-то знает... видел, как его повело? Неспроста! То-то и оно. – Иван прищелкнул языком. – А ведь чужой человек, без году неделя знакомы. У Мэтра слабость к этому парню, все заметили.

– Как его зовут?

– Андрей Сотник. Журналист, пишет книгу про Мэтра. Подошел к старику чуть не на улице, представился, восхищаюсь, говорит, хочу книгу про вас написать. Мэтр и поплыл. Любит прогибы старик. А кто не любит? Как философ, Федя, скажи, кто не любит? А по виду не скажешь, что был хоть раз в музее, но чувак вполне симпатичный, физия радостная, из себя качок. Елена называет его футболистом.

– Комнату обыскали? – спросил Федор.

– А как же! Толпой шарились. Ни документов, ни журналистского удостоверения... ничего. Ни мобилы, ни планшета. Может, у него с собой, а где он... – Иван развел руками и посмотрел на потолок. – Я позвонил Леше Добродееву, кто таков, мол. Он ни сном ни духом, но пообещал разузнать. Правда, пол и стены не простукивали. Может, тайник?

Федор пожал плечами.

– Что он собой представляет?

– Я же говорю, здоровый лось лет тридцати, на лыжах единственный бегал, хоть и не дурак вмазать. Анекдоты пацанские травит. Свойский, одним словом, без понтов. Нормальный чувак, мне нравился.

– А что ты сам думаешь?

– Я не верю в пришельцев, – Иван шлепнул ладонью по столу и снова покосился на окно. – Лично я думаю, он очнулся и пополз куда-нибудь... а может, встал и пошел. От удара голова перестала работать, вот и зашел не туда. Тут колодцы всякие древние, может, провалился. Если бы не снег, мы бы его нашли, а так... черт его знает! Все засыпано. Вообще идиотская история, не знаешь, что и думать. Ладно, Федя, давай за спасение журналиста. Живьем или души.

Федор кивнул. Они выпили

– Кто такой... Артур, кажется? – спросил Федор.

– Адвокат, ведет дела Мэтра. С супругой Стеллой... вот уж серая мышь! Перепуганная, не в своей тарелке. Не ее компания, даже жалко девочку. А Наташа-Барби, – Иван понизил голос до восторженного шепота, – каждое утро занимается йогой на снегу... без ничего, представляешь? Почти без ничего! – Иван хлопнул себя по груди. – Сложена... ммм... богиня! – Иван чмокнул кончики пальцев. – Сидит в лотосе, глаза закрыты, тело коричневое от загара, так и блестит на солнце. Или стоит на одной ноге! Тут пару дней солнце было. Я как увидел, охренел, поверишь? Схватил камеру и... А Димка тюфяк, ни рыба ни мясо. Бедная девка. Работает в младшей группе в детском садике, представляешь? Характер ангельский. Повезло детишкам! – Иван захихикал. – Мэтр слюни пускает... смотрит на нее, аж расплывается весь. Давай, Федя, за женщин!

– Как допинг? – спросил Федор.

– Один черт! Допинг, не допинг... Что мы без них! Нет ничего красивее женского тела, Федя, это я тебе как профи. Взять хотя бы Наташу-Барби... я тут задумал новую серию, кодовое название «Статика» или «Паноптикум»... потом додумаю. Женщины и Маска, и чтобы непонятно, кто живой, а кто гипсовый, представляешь? Неподвижные, в странных позах, раскрашенные... Наташа-Барби вообще сидит на снегу. Помнишь стеклянных кукол, Федя? Как мы щелкнули этого изувера, а?¹

– Помню.

– Поехали! – Иван поднял стакан. – За женщин!

...Они пили за жизнь, за встречу, за Мэтра, снова за журналиста и снова за женщин. Одной бутылкой не обошлось, и Иван достал из загашника другую.

Угомонились около трех. Иван пошел провожать Федора, и они долго пытались вспомнить, где его комната. Потом Иван сообразил, что они квартируют вместе, что Лиза принесла постельное белье, сложила на стуле и наказала постелить гостю на диване.

...Вырвал Федора из еще хрупкого сна жуткий придушенный вопль. Он рывком сел, прислушиваясь. Вопль повторился, доносился он словно из подвала. Федор толкнул в плечо Ивана. Тот сонно забормотал:

– Что? Что, Федя? Утро?

– Кто-то кричит, – шепотом сказал Федор. – Слышишь?

Вопль повторился на какой-то особенно высокой ноте, резко оборвавшись.

– Это петух, сволочь, орет, – пробормотал Иван. – Я тоже как услышал, чуть не офигел! Вурдалак, а не петух... где-то в поселке, далеко... спи!

Федор вернулся на свой диван. Петух проорал еще раз, потом ему ответили другие. Они надсадно орали, хрипло, вразнобой – Федор представил себе петушиный хор – с десятков красно-зелено-синих петухов с открытыми клювами, с жесткими когтистыми лапами, хлопающих крыльями, вопящих на весь мир, приветствуя рассвет и солнце. И запевалу, того, кто заорал первым – самого красного, громадного, как... феникс! Он невольно взглянул на окно – за окном была ночь. Не приветствуя, подумал Федор, а предвещая. Предвещая день и солнце...

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Стеклянные куклы».

Глава 5

Доверительная беседа

*На верху головы есть лотос,
 светящийся
собственным светом. С него струится
прохладный нектар, исцеляющий
 все болезни.
Тот, кто считал его лепестки,
говорит, что их тысяча.
Нектар этот – жизненная сила.*

Р. Минаев. На верху головы есть лотос...

...Иван растолкал Федора около восьми.

— Иван... что случилось? — спросонья спросил Федор.

Вчера они хорошо пообщались. Иван многословно рассказывал о творческих задумках, поминутно убеждая Федора, что он единственный человек, который его понимает. Федор устал до чертиков, но послать Ивана после подобных откровений, смахивающих на шантаж, и пойти спать, постеснялся. Шантаж лестью – страшная штука! А потом проснулись петухи...

– Вставай! А то пропустишь шоу! Давай, Федя, одевайся!

В коридоре он сунул Федору первый попавшийся тулуп с вешалки и потащил во двор. Привел к веранде за домом, прилепленной к мастерской. Тут уже торчали Артур и дядя Паша. Дядя Паша делал вид, что чистит дорожку. Артур любовался восходящим солнцем.

– Смотри, Федя! Только ради этого стоило сюда ехать!

На лице его было написано упоение и восторг, руки сжимали фотокамеру. На деревянном полу заснеженной веранды на циновке сидела в позе лотоса Наташа-Барби в белом купальнике. Глаза ее были закрыты. Безмятежное лицо, узел волос на макушке. Загорелая, неподвижная, как статуэтка, в первых белых лучах ледяного солнца.

— Это же охренеть! Ну? Это же... совершенство!

– Да, сильно, – сказал Федор. – Удивительно, что она не мерзнет.

– Йогам все равно. Ты думаешь, Мэтр торчит в мастерской просто так? Нет, Федя, не просто так. Необыкновенная девушка! Красотка! Повезло Диму, а ведь дурак-дураком.

Они стояли перед верандой, во все глаза уставившись на девушку. Иван клацал камерой. Федор испытывал чувство некой сюрреальности – полуобнаженная девушка и снег казались порождением чьей-то изощренной и странной фантазии.

– Как, по-твоему, Федя, йога – это мировоззрение или физкультура? – спросил Иван шепотом.

Федор не ответил...

* * *

– Садись, Федор. Как устроился?

Рубан полулежал на диване, обложенный подушками; был он бледен, на щеках пробилась седая щетина, что вкупе со спутанными волосами придавало ему вид несколько диковатый. Курил сигару. Синий вонючий шлейф дыма тянулся к открытому окну. В мастерской стоял страшный холод.

– Прекрасно, Леонард Константинович. Спасибо. Вы как?

– Нормально. Давление дает о себе знать. Тебе спасибо. Если честно, не ожидал. Поделился с Кузнецовым, а он возьми да скажи: пришлю тебе, мол, толкового человека, он разберется. Из наших, бывший опер, ныне философ. Вот это финт! Из оперов да в философы. Я особь любопытная, навел справки, и оказалось, что ты, Федор, личность в городе известная, и у нас много общих знакомых. И все закатывают глаза и говорят с придыханием: «О, Федор Алексеев! Ах, Федор Алексеев!» Окончил юридический и философский, работал оперативником, потом следователем, потом ушел на преподавательскую работу. Такая занимательная биография. Можешь объяснить мне, что общего между оперативной работой и философией?

– Больше, чем кажется на первый взгляд. Попытка увидеть преступление через обобщения философского, исторического, даже литературного характера. Попытка понять и обосновать преступление, ответить на вопрос: зачем? Увидеть общую картинку, а не собирать разрозненные факты и улики. Мой друг, капитан полиции, называет это «мутной философией».

– В отличие от «прозрачной» философской науки, должно быть?

Гость усмехнулся...

...Федор Алексеев был интеллигентом в четвертом или пятом колене. Прадед его был из семьи священника. После окончания духовной семинарии не принял сана, примкнул к разnochинцам и стал писателем. Пописывал в либеральные журналы о ветре свободы, грядущей революции и народовласти.

Дед окончил медицинский институт; имея от роду тридцать четыре года, погиб от оспы где-то в Средней Азии, куда отправился добровольно, оставив семью. Отец, горный инженер, всю жизнь мотался по экспедициям. Наверное, охота к перемене мест была заложена в мужчинах их рода на генном уровне. Иначе как объяснить более чем странный поступок Федора Алексеева?

Несколько лет назад Федор распрощался с оперативной карьерой и пошел преподавать философию в местный педагогический университет. И до сих пор не понял, правильно он сделал или нет. Он скучал по следственной работе. С другой стороны, преподавать ему тоже нравилось. «Вот если бы можно было работать и там и там, – думал иногда Федор. – Но там и там работать нельзя, как нельзя сидеть на двух стульях. Или все-таки можно?»

Старшекурсники называли его «Кьеркегор», а первокурсники, которые не могли произнести это имя с первой попытки – попросту «Егором» или «Философом». Необходимо заметить, что последнее было более популярным в университете в силу простоты и демократичности.

Между Федором и студентами царил полное взаимопонимание. Они любили его за справедливость, эрудицию и чувство юмора. Но и зубоскалили, и анекдоты про него сочиняли в силу возраста, для которого не существует авторитетов. И обезьянничали: то шляпу с широкими полями заведут, то длинный белый плащ, а то и трубку... был такой период в жизни Федора, «трубочный», когда он расхаживал по аудитории с незажженной трубкой, – короткий, правда. А студент Леня Лаптев даже вел виртуальные «Философские хроники», куда записывал всякие байки про него, реальные и выдуманные...

– ...Сказать-то Кузнецов сказал, да не всякий сюда поедет. Ты приехал и сразу попал в гущу событий.

– Леонид Максимович сказал, у вас проблемы.

Рубан почесал седую щетину и сказал:

– Что-то творится вокруг меня в последнее время... возня какая-то. Уговаривал себя, что старческие фантазии, плюнуть и растереть, а потом спать перестал. Мы, художники, животные внушаемые. Лежу, думаю, прислушиваюсь, и такая тревога охватывает... и давление прыгает. Понимаешь, Федор, самый смелый, самоуверенный и успешный человек, которому море по колено, вдруг начинает чувствовать нечто вокруг себя... пугающие ночные телефонные

звонки, исчезают вещи, какие-то люди все время попадаются на глаза, какой-то тип торчит около дома, и он уже не знает, то ли галлюцинации и крыша едет, то ли действительно. А потом начинают приходить письма, и этот, самый успешный, сильный, умный и так далее, сдувается, ему становится страшно, он забивается в норку и по несколько раз проверяет, заперта ли дверь на ночь. Даже говорить неловко, ей-богу, и, главное, кому это нужно? Врагов нет, соперников тоже... кто?

– Письма?

– Письма. С угрозами.

– Можно взглянуть?

– Возьми в верхнем ящике секретера. Лежат сверху. Два письма.

Федор выдвинул верхний ящик, посмотрел и сказал:

– Здесь ничего нет, Леонард Константинович.

– Как нет? Посмотри еще, может, не наверху, а под альбомом.

– Альбом вижу, еще пара блокнотов, пачка, видимо, счетов... писем нет.

– Куда же я их дел? – Рубан сполз с дивана, подошел, уставился в ящик. Схватил альбом, блокноты...

– Когда вы видели их в последний раз?

– Ну... несколько дней назад, не помню. – Вид у Рубана был обескураженный. – Куда они могли... черт! Нелепость какая-то! Память ни к черту. Не в службу, а в дружбу, Федор, посмотри под подушкой!

Федор поднял подушку. Там было пусто.

– Сюда ведь может зайти каждый, как я понимаю. Кто, кроме вас, знал о письмах?

– Дверь не запирается, я иногда выхожу. Никто не знал, я не хотел никого пугать. Не думаю, что взяли, зачем? Сам, должно быть, засунул куда-то. Найдутся.

– Они пришли сюда или на городской адрес?

– На городской.

– Что там было?

– В первом: *«Пора собираться. Готов? Не страшно?»* Во втором: *«Собрался? Уже скоро. На мягких лапах, скрипнув половицей...»* Втемяшилось, будто в камне выбито. Лежу ночью и повторяю...

– Когда они пришли?

– Первое месяц назад, второе перед отъездом сюда, неделю назад. Потому и сбежал. Абсурд, честное слово. Стыдно сказать. Думал, что уже ничего не страшно, всякого видел-перевидел, а тут как гром среди ясного неба. Может, чья-то неудачная шутка?

– Если письма вас напугали, то не шутка.

– Ну не то чтобы напугали, но заставили оглянуться по сторонам и задуматься о жизни. Что это, Федор? Читал про такое в детективных романах, смешно было, что жертвы так пугаются, казалось, сюжеты из пальца высосаны. Зачем?

– Подавить морально. Напугать. Я не думаю, что речь идет о прямой угрозе. Как правило, преступник не объявляет о преступлении заранее.

– Что же делать?

– Подумаем. Что еще?

– Я думаю, автор писем находится здесь.

Федор в упор рассматривал Рубана, думал. Потом сказал:

– Пропавший журналист ваш телохранитель?

– Прав был Кузнецов, – сказал после паузы Рубан. – Хватка у тебя имеется. Как ты догадался?

– Здоровый, накачанный, жизнерадостный, с анекдотами. Такие, как он, не имеют понятия об искусстве и не пишут книг. В вашу компанию он не вписывается. Тем более познакоми-

лись вы недавно, никто ничего о нем не знает. И еще. Ваша реакция на то, что произошло. Как-то слишком бурно, особенно по сравнению с реакцией ваших гостей и домашних. Чувствовалась личная заинтересованность. Кто он такой?

– Из частной конторы, нашел листовку в почте. Хотел, чтобы он тут осмотрелся. А потом понял, что морду побить в случае чего он сможет, а мозгами ворочать... вряд ли. Позвонил Кузнецову на всякий случай. Описал в общих чертах ситуацию, думал, он скажет, успокойся, ерунда, а он сказал, что пришлет... философа. А теперь получается, что я прав, журналиста устранили.

– Вы думаете, устранили?

– А что еще я могу думать? Он, как ты сказал, накачанный, сильный, здоровый, прекрасно водит машину, говорил, был в десантных войсках. И вдруг авария. Шел снег, скорость минимальная... я вообще не понимаю, как он мог перевернуться и слететь с дороги. И куда тут вообще можно исчезнуть?

– Кто мог знать, что он не тот, за кого себя выдает?

– Простоват он для журналиста. Елена называла его паном спортсменом и футболистом. Может, поняли и устранили, чтобы не мешал. А это значит, что собираются и меня... – Он прищелкнул языком. – Кроме того, я сидел в мастерской, никого не хотел видеть, впускал только Пашу, Марго и этого парня. Еще Наталью, отраду для души. Может, и догадались, что он тут не просто так. И главное, все свои. Смотрю на них и думаю: кто? Ты хоть будь осторожнее, а то мало ли...

– Буду. Извините, Леонард Константинович, я хотел бы задать вам пару вопросов, скажем, деликатного свойства.

– Валяй, Федя, – хмыкнул Рубан.

– У вас есть враги?

– У кого их нет?! Но не настолько, чтобы слать письма с угрозами и умыкать журналиста. Кроме того, они все люди в возрасте, солидные вроде меня. Слушок распустить, сплетню, сказать гадость – я еще могу допустить, но чтобы подобные действия... – Он развел руками.

– Как я понимаю, вы человек состоятельный. На кого составлено завещание?

– Вона ты куда замахнулся! На Марго и Дмитрия, поровну. Ты думаешь?

– Бью наугад. Считается, что около девяноста процентов преступлений носят экономический характер.

– Ищешь, кому выгодно?

– Да. Если бы речь шла о титулах, признании, премиях, то можно было бы говорить о соперниках. Но вы мастер с мировым именем, лавры все завоеваны, врагов и соперников нет. Никто спихивать с пьедестала не собирается. Значит, остается экономика. Или месть. Ничего не приходит в голову? Брошенные, обиженные, оскорбленные...

– Да я уж думал. Если и было что-то, то быльем поросло. По молодости и бросал, и обижал... как все.

– Сколько лет вы женаты на Марго?

– Около двух. До меня она замужем не была. Жила скромно, ни с кем не встречалась. Она была моей натурщицей. Часто сидели в мастерской за полночь, никто никогда ей не звонил. Да и не чувствовалось, что кто-то есть. Она поражала какой-то беззащитностью... сирота, бедная, плохо одетая. Кроме того, она необычная, Аэлита! Ты же ее видел. Не из нашего мира. Привязалась ко мне, советов спрашивала.

– Как вы познакомились?

– Я искал девушку, скажем, определенных параметров, озадачил знакомых. Однажды пришла Марго... Вообще-то она Мария.

– То есть никто конкретный к вам ее не приводил?

– Нет. Можно, конечно, спросить, кто ее прислал... Мне это как-то не приходило в голову. Она мне подошла, я ее нанял. Если ты думаешь, что она замешана, то вряд ли. Я дал ей все. Была простенькой девчонкой, работала костюмершей в театре, а посмотри сейчас. Кроме того, останется ей много – и банковские счета, и коллекции. Хватит. Особой жадности я в ней не чувствую... не особенно образована, капризна, мотовка, но не злодейка. Нет, не вижу. Да и письма для нее сложноваты по замыслу.

Федор молчал.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Федя. Сын-бездельник, самое большое разочарование в моей жизни. Письма не он. Ленив слишком, неспособен замышлять... то есть, я так думаю... вернее, мне хочется так думать. Успокаиваю себя, что не пьет, не наркоманит, не играет – спасибо и на том. Просто ни хрена не делает. Его новая девушка, Наталья... повезло охладону. Хороша. И характер под стать – мягка, услужлива... Йогой занимается. Если она его не бросит, я за него спокоен. Она не даст пустить по ветру папино наследство, на жизнь им хватит.

– Наслышан, – сказал Федор. – На веранде занимается.

– Уже сказали? Кто?

– Иван Денисенко. А Миша?

– Мишка? Молодое дарование! Характер сложный, мизантроп, но талантлив. Этому незачем. Наоборот, без меня он многое теряет.

– А ваш адвокат?

– Артур вообще человек со стороны. Занимается бумагами. Нудный, но толковый. Случайный человек.

– Вы давно знакомы?

– С полгода. Познакомились на выставке современной скульптуры, там выставлялись две мои работы. Он подошел и выразил восхищение. Разговорились, то, се. Я хочу купить недвижимость, приличный дом, давно присматриваю... Марго совсем замучила, ну и спросил. Он дал пару дельных советов, оставил карточку, сказал, почтет за честь. Я перезвонил ему через пару месяцев уже по другому вопросу, он обрадовался. Так завязались отношения. У меня был свой юрист, толковый парень, к сожалению, эмигрировал. Это все.

– Как по-вашему, что могло случиться с Андреем Сотником?

– Если это не случайность, то сам понимаешь. Что угодно. Оттащили подальше и зарыли в снег. А если случайность, то где он? Что ты собираешься делать? Хочешь поговорить с ними?

– Да. Кроме того... Леонард Константинович, как на духу: вы мне все сказали?

– Почему ты спрашиваешь?

– Нутром чую, как говорит один мой знакомый сантехник. Откуда *текет*, говорит, не знаю, но нутром чую, что *оттудова*. Я тоже нутром чую, что есть что-то еще... недоговоренное. И адвокат на месте. Он здесь неуместен так же, как и телохранитель. Чувствуется умысел. Все остальные свои, а эти чужаки. Собираетесь переписать завещание?

Рубан, усмехаясь, смотрит на гостя.

– Ты прав, Федя. Есть еще кое-что. Скажу.

Внезапно внимание их было привлечено Норой, которая захрипела и забилась, повалившись на бок.

– Нора! – Рубан бросился к собаке. Нора кашляла и задыхалась, в раскрытой пасти пузырилась белая пена.

– Федя, Пашу, быстрее! Нора, девочка!

Федор выскочил из кабинета...

Глава 6

Гостя. Прогулка к месту аварии

*...Оледенел ключ влаги животворной,
Застыл родник текущего огня.
О, не ищи под саваном меня!*

Вячеслав Иванов. Зима души

Она поставила лыжи стоймя, оперла на перила крыльца. Ступеньки затрещали под ее тяжелыми шагами. Не постучавшись, рванула ручку двери и вошла. Протопала через прихожую и коридор в гостиную, встала на пороге. Обвела их пронзительным взглядом черных глаз, остановилась на каждом, словно вбирала в себя, и произнесла низким сильным голосом:

– Где собака?

Она не поздоровалась.

– О господи! – прошептала Зоя, вытаращив глаза.

Остальные также оторопело уставились на странную женщину, стоявшую на пороге. И неудивительно! Исполинского роста, смуглая, с непокрытой головой – черные с сединой космы разметались по плечам, – в черном тулупе и грубых мужских ботинках, она была инородным телом в их теплом и уютном мирке, она была стихией...

– Добрый день, Саломея Филипповна, – сказала Марго. – Наша соседка, господа. Прошу любить и жаловать. Идемте, я вас провожу.

Она поднялась, и они вышли.

– Ну и типаж! – восторженно выдохнул Иван. – Местная достопримечательность, наслышан!

– Местная ведьма, – сказала Елена. – По профессии ветеринар, лечит травами и грибами, варит зелья. И людей и скотину.

– Ведьма? Настоящая? – спросила Стелла, вздернув бровки.

– Ты же ее видела! По-твоему, ненастоящая? Говорят, летает на метле. Мэтр называет ее Таимба.

– Потрясающая женщина! – не мог успокоиться Иван. – Личность! Реликт!

– Что такое Таимба? – спросил Артур.

– Кто. Женщина, которая прилетела с тунгусским метеоритом, – сказал Федор. – Гро-мадная, черная, разговаривала на неизвестном языке и лечила местных. Еще молилась красной звезде – Марсу. Звали Таимба... легенда такая.

– Значит, это был не метеорит, а корабль?

– Как версия. Рассказ о ней написал, если мне не изменяет память, писатель-фантаст Казанцев.

– Пойду посмотрю, – сказала Наташа-Барби, поднимаясь.

– Я тоже! – вскочил Иван.

– Может, заявимся всем кагалом? – съязвила Елена. – Сядь! Лучше устрой засаду за сараем. Она выйдет, а ты ей – фотосессию.

– А ведь идея! – обрадовался Иван, вскочил и побежал из гостиной.

– А что с собакой? – спросила Стелла.

– Отравилась чем-то, – сказал Федор.

– Чем тут можно отравиться?

– Отравили! – сказала Зоя. – Сначала журналист, теперь собака.

– Что ты мелешь! – с раздражением сказал Миша. – Сожрала что-нибудь... дохлую ворону. Может, разгрызла сигару.

– Или выкурила! – фыркнула Зоя. – Как же, как же! А журналист тоже накурился, перевернулся и... ага. И вообще надоело, хочу домой.

– Никто не держит, – уронила Елена.

– Миша! Я хочу домой, слышишь?

– Дороги завалило, черта с два выберешься. – Судя по тону, он тоже был непрочь убраться отсюда подальше.

...Они сгрудились у окна гостиной, смотрели, как Таимба надевает лыжи, отбрасывает назад черную гриву и, помогая себе мощными взмахами лыжных палок, стремительно скользит со двора. Тут же суетился Иван с камерой. В одном свитере, с шарфом вокруг шеи, не чувствуя холода, с выражением полнейшего восторга на красной физиономии.

– Иван... ну вообще... поехал! – сказала Зоя. – Жуткая личность... Как в этом музее... в Лондоне, как его? Я была, жуть! Аж мороз по коже.

– Мадам Тюссо, – подсказала Елена.

– Ага! Вот где жуть! Не передать! Отрубленные головы... как настоящие! Ее бы туда.

– А что с собачкой? – спросила Стелла.

Ее вопрос остался без ответа. Все были заняты необычной гостьей и Иваном.

Иван распахнул дверь и с порога завопил:

– Бомба! Это же... черт знает что такое! Она так на меня посмотрела... пещерная женщина! Душа в пятки! Ведьма!

Он пребывал в совершеннейшем восторге, захлебывался словами, размахивал руками.

– Точно сглазила! – сказала Зоя. – Расслабься. Про журналиста не спросил? Если она ведьма, может, знает.

– Блин! – Иван хлопнул себя ладонью по лбу. – Не сообразил! Ну, ничего, она тут недалеко живет, можно навестить. Марго, ты хорошо ее знаешь?

– Не очень. Она живет в городе, вдвоем с внуком Никитой. Он какой-то недоделанный или вообще с приветом, смотрит мимо и никогда не здоровается. Президент какой-то недоделанной секты, «Руна» вроде. Как ненормальный носится на лыжах с собаками. Приехали на Новый год, привезли живность – трех собак и кошку. После Рождества уедут, если дороги почистят. Летом приедут опять.

– «Руна»? – обрадовался Иван. – Знаю! Все знают. Эзотерический клуб, я там был однажды. Хорошие ребята, правда, без царя в голове.

– А она правда ведьма? – спросила Стелла.

Марго пожала плечами.

– Может, и ведьма.

– А внук такой же?

– Говорю же, с приветом. Они каждый вечер гуляют с собаками. Навещают Рубана, он их любит.

– А ты?

Марго пожала плечами.

– О чем с ними говорить?

– А Мэтр о чем?

– Да все о том же! Каменные бабы, древние алтари, реликты, пещеры, вход в древний мир... всякая чушь. Рубан верит, и она... они оба верят. Она ему травы приносит. Я не выдерживаю с ней рядом. Да и она меня не жалует, одного Рубана. Ее все здесь боятся. Но в случае чего, бегут к ней.

– А гадать она умеет? – спросила Зоя.

– Она не гадалка, а ведьма.

– Может, скажешь, какая разница?

– Гадалки все шарлатанки, а ведьма – это серьезно, – сказал Иван. – Любой может стать гадалкой, вон в Интернете полно курсов. Даже я. Хочешь, погадаю по ручке?

– Хочу! – Зоя протянула ему руку. – А ты у нас ведьма или шарлатан?

Иван прижал ее ладонь к губам. Зоя хихикнула.

– Я у вас ведьмак. Слушай, моя красавица! – начал Иван, буравя ее взглядом. – Будешь ты жить долго и счастливо, и рядом с тобой будет достойный мужчина...

Миша поднялся и сказал резко:

– Зоя, мы собирались в поселок. Идешь?

– Подожди! – отмахнулась подруга. – Видишь, тут судьба решается.

– Как хочешь! – Миша стремительно вышел из гостиной.

– Смотри, бросит, – сказала Елена. – Миша у нас парень серьезный.

– Бросит? Меня? – рассмеялась Зоя. – Да он у меня в ногах валяется... поняла? Я не хотела сюда ехать, так он заплакал. Говорит, дань уважения Мэтру, не очень хочется, но сама понимаешь... все такое.

– Мишка заплакал? – не поверила Елена. – А ты, подруга, не свистишь, часом?

– Не он первый, не он последний. Стоит мне захотеть... Иван, возьмешь меня замуж?

– Возьму! Когда?

Зоя расхохоталась.

– Я подумаю! А там написано, что мы поженимся?

– А как же! Вот видишь, линия вокруг большого пальца? Это я!

Бесшумно появилась Наташа-Барби, сказала, ни к кому не обращаясь:

– Собачке уже лучше. Саломея Филипповна сказала: отравление, скорее всего крысиным ядом. Леонард Константинович в порядке.

– А кто траванул, не сказала случайно? – спросил Дим. – Кому она помешала?

– Что ты несешь! – воскликнула Марго. – Кому нужно ее травить! Ты же прекрасно знаешь, сколько ей лет. Пятнадцать! Она давно уже полудохлая. Я говорю Рубану: давай возьмем щенка, я присмотрела, а он ни в какую.

– Я иду гулять, – заявила Елена. – Кто со мной? Пока солнце.

– Может, поискать журналиста? – предложила Стелла. – А вдруг...

– Федор, вы с нами?

– С удовольствием. Только схожу, проведу Леонарда Константиновича и Нору. На лыжах?

– Пешком. Дядя Паша выдаст валенки. Подъем! Наташа! Дим!

– Я пас! – Дим поднял руки. – Холодно, ну ее на фиг, эту романтику!

– А мы, Зоенька? – умильно спросил Иван. – День просто шикарный!

– Пошли! Хочу посмотреть на перевернутую тачку.

– Марго, ты с нами? – позвала Елена. – Ты чего кислая?

– Простыла, наверное, пойду прилягу...

* * *

– Здесь! – сказал Иван, останавливаясь. – Фары уже погасли. Представляете, девчонки, фары горели всю позапрошлую ночь! Смотрим сверху, а они светят. Прямо мистический ужас какой-то! Уже погасли.

– Куда же он все-таки делся?

– Скорее всего засыпало снегом.

– А почему собаки не взяли след? Мы на другой день искали с собаками. Не взяли след собачки-то. Мистика!

– Иван, ты такой впечатлительный! – хихикнула Зоя.

– Летим вниз? – Наташа-Барби стремительно шагнула с дороги в снег, упала на спину и заскользила вниз.

– Во дает! – сказала Зоя.

За Наташей-Барби, цепляясь за кусты, стали спускаться остальные. Зоя вскрикивала, оступаясь, мела сугробы своей шикарной норковой шубой. Иван удерживал ее за руку. Елена вырвалась вперед, заскользила, балансируя и размахивая руками. Федор последовал за ней, стараясь держать равновесие. Стелла и Артур, взявшись за руки, осторожно и медленно съезжали, сопротивляясь ускорению, тащившему их вниз...

– Уф! Приехали! – расхохоталась Зоя, отряхивая полы шубы. – Фары, между прочим, еще горят!

Они стояли кучкой, рассматривая завалившуюся набок машину. Передние фары действительно горели – едва заметно, выморочным желтоватым светом, находясь при последнем издыхании.

– Страшно! – выдохнула Стелла. – Машина еще живая, а человека нет...

Открытая дверца со стороны водителя, сугроб внутри, занесенное снегом лобовое стекло, паутина трещин и грязно-бурые пятна. Горящие фары... все еще горящие.

Они стояли молча. Даже Зоя прониклась пронзительным трагизмом картины и замолчала наконец.

– Куда он мог уйти? – сказал Артур, ни к кому не обращаясь.

– Уйти? Уползти. Мы пошли искать через шесть часов, значит, он мог прийти в себя, выбраться и уползти. Тем более тачка не перевернута, а только накренилась. Вопрос: куда?

– Она могла перевернуться несколько раз, а потом снова стать на колеса и завалиться набок. Надеюсь, он был пристегнут, – сказал Федор.

– Он мог уползти только сюда, – сказал Иван, показывая рукой. – В сторону от машины, как можно дальше... он мог опасаться взрыва. То есть оставил ее позади себя, за спиной.

– Мы искали везде, – напомнил Артур. – Вряд ли его успело засыпать снегом.

– Что ты хочешь сказать?

– За шесть часов? Снегопад был будь здоров, конечно, засыпало! Он где-то здесь.

– А колодцы? – сказала Наташа-Барби. – Марго говорила, здесь полно заброшенных колодцев.

– Колодцы в роще, около большого холма. Здесь их нет, я спрашивал, – сказал Артур. – И не полно, а всего два.

– Так куда же он все-таки делся? – повторил Иван. – Федя! Можешь ответить как философ?

– Пока нет.

– Фары погасли! – взвизгнула Зоя. – Только что!

– Господи! – ахнула Стелла.

Они снова замолчали. Стояли молча, смотрели на мертвые слепые фары, чувствуя, как медленно вползает в них гадкое липкое нечто, чему и названия-то не было... страх, не страх... оторопь, осознание собственной малости и беспомощности перед неизвестной силой... испытывая тоскливое желание оказаться как можно дальше отсюда... Солнечный день, казалось, померк.

– Я хочу уйти! – резко сказала Зоя. – Иван!

Они вздрогнули, и чары рассеялись. Все встало на свои места. Опрокинутая машина, погасшие фары, человек, который выбрался и уполз... куда-то.

– Возвращаемся! – скомандовал Иван. – Мальчики вперед, берем на бордаж девочек. Федор!

– Я похожу тут немного, – сказал Федор. – Дорогу я помню.

– Не вздумайте исчезнуть! – сказала Зоя. – А то останемся без сильного пола.

Никто не засмеялся, шутка была неудачной...

Глава 7

Что дальше?

Рубан полулежал на своем раздолбанном диване, подсунув под себя подушки, дымил сигарой; смотрел в потолок, думал. Через открытое окно залетали редкие снежинки. Нора лежала в его ногах, прикрытая пледом. Время от времени он, кряхтя, дотягивался до собаки рукой, проверял, жива ли.

Федор постучался. Не получив ответа, нажал на ручку двери, сказал с порога:

– Леонард Константинович, можно к вам?

– Заходи, Федя. Бери стул, садись. Саломея ушла?

– Давно. Мы ходили на место аварии...

– Нашел что-нибудь?

– Если вы имеете в виду следы журналиста, то нет. Все засыпано снегом. Надо бы вытащить джип, но, как я понимаю, сейчас это невозможно. Жалко будет, если растащат.

– Не думаю, народ здесь смирный. Пусть лежит, весной вытащим. Все равно. Где же он? Ты хоть что-то понимаешь? Мысли есть?

– Есть, Леонард Константинович.

– То есть ты можешь объяснить, что с ним случилось?

– Мне кажется, могу. Если отставить эмоции и ведьмовство, то на ум приходят только две версии, объясняющие, что с ним случилось. Несчастный случай или злой умысел.

Рубан помолчал. Потом спросил:

– Он жив?

– Не знаю. Могу предположить, что он выжил в аварии.

– А дальше что? Где он?

– Пока не знаю. Но думаю, узнаю.

– Отравление Норы как-то связано с аварией? Зачем ее отравили?

– Мы не знаем, отравили ее или нет. Она могла сама проглотить что-нибудь, в ее возрасте... сами понимаете. Случайно.

– Нора умная собака, она никогда ничего не возьмет случайно. Понимаешь, Федя, сначала журналист, теперь Нора... двое из тех, кто был ближе ко мне. Добавь сюда письма с угрозами... по-твоему, случайность? Сказать, кто следующий? – Он ткнул себя рукой в грудь. – Между прочим, Паша думает так же, сказал, будет здесь ночевать. Абсурд! В моем собственном доме, среди домашних и друзей... Я чувствую себя старым параноиком. Жизнь прожита, Федя, и ставки сделаны. Пора подводить итоги. Впереди одиночество и ожидание конца. Естественного или... – Он махнул рукой.

– Леонард Константинович, что за пораженческие настроения? Случайности имеют место быть, и никуда от них не денешься. Не нужно искать злой умысел там, где его нет. Или он не доказан. Письма – да, согласен, неприятно, но известные люди иногда получают письма с угрозами. Маленькие люди таким образом самоутверждаются. Куда они делись – вопрос, возможно, куда-то завалились или вы спрятали в надежное место. Найдем. Нора... не согласен, что злой умысел. Она ведь не умерла, Саломея Филипповна сказала, что будет жить. А ведь отравить ее до смерти нетрудно, принимая во внимание возраст. Журналист... Я остался около машины, когда все ушли, проверил тормозной шланг, ползал в снегу, разгребал снег. Первое, что приходит в голову, – перерезанный тормозной шланг. Все чисто. Бензина полный бак. Никто не планировал аварии, это был несчастный случай. Мы не знаем, в каком он был состоянии, возможно, выпил. Просто неудачно совпало.

– Так звезды встали? – сказал Рубан.

– Так звезды встали. Так что на этом поставим точку, Леонард Константинович. Вы помните, что у вас день рождения? И что гости явились на юбилей и вам нужно присутствовать на церемонии? Иван открыл мне по секрету, планируется ужин при свечах, а также сообщить, что привез петарды. Так что у нас будет полная возможность стать свидетелями большого фейерверка, переходящего в пожар. Заодно и проверим вашу теорию заговора и неслучайной цепи случайностей.

– Устал я, Федя. Не хочу никого видеть. Смотреть на их лица, пить с ними за собственное здоровье, зная, что каждую минуту могут отправить на тот свет...

– В таком случае нужно сыграть в рулетку, – ухмыльнулся Федор.

– В рулетку? – Рубан удивился и задумался; вдруг рассмеялся: – А ведь это мысль! Ты прав, Федя. Разнюнился, старый дурак. Ты прав. Поставим на кон жизнь. Нора, старушка, хочешь посмотреть на фейерверк? Надеюсь, до завтра ты оклемаешься. Нора! – позвал он, и собака подняла голову. – Жива? Завтра у нас праздник, девочка, готовься.

– Утром вы собирались мне что-то сказать, – напомнил Федор.

– Правда? – ненатурально удивился Рубан. – Не припоминаю...

* * *

– Иван, журналист пил? – спросил Федор, когда они остались вдвоем в гостиной. Остальные после ужина разбрелись по своим комнатам. Федор рассматривал иконы и коврики на стенах, Иван расставлял шандалы с каминной полки на полу вокруг кресла с Марго-дубль. Готовился к фотосессии.

– Пил? Как все. Просто ему больше надо было, парень здоровый. Пьяным его не видел.

– А когда поехал в поселок?

– Ты чего, Федя? У нас же ни хрена не осталось, потому и поехал. Был трезв как стеклышко.

– Почему один?

– Не помню. Наверное, никто больше не захотел. Дорога одна, мимо поселка не промажешь. А что?

– Какие у него отношения с коллективом? Были...

– Нормальные, ты чего, Федя! Елена издевалась, фыркала, что напишет он книгу, как же! Мишка воротил морду, ну да он себя раз в год любит. Зое он нравился, цепляла его, мускулы на руках шупала, а он таял. Простой парень, без подходов. Марго его не замечала, тоже вечно надутая... хотя... – Иван задумался. – Я видел их как-то в гостиной, сидели, разговаривали, голова к голове... я еще удивился. Рубан вообще не выходит, сидит у себя в мастерской – как я понимаю, они не очень, чего-то там у них не складывается. Рубан, конечно, гений, но характерец термоядерный. Я его люблю, Федя, и глубоко уважаю, он наша история. Смотрю на его «Оплакивание», самому впору заплакать, такая экспрессия бьет... через край! Гений-то гений, а с другой стороны, чему радоваться? Как художник, он кончился, поверь моему слову. Все в прошлом. Последние три года – ничего, полный ноль. Сын-неудачник. Столько баб было за всю жизнь, одних жен четыре, а в итоге пшик. Дим парень хороший, не злой, но ему все по фигу, абсолютно пустое место. Ты думаешь, Марго родит ему кого-нибудь? Даже не смешно. Слава, деньги, а потом что? Ученик Миша, гений, мастер... ты видел его? Что может создать художник с такой кислой рожей? Согласен, несколько работ заслуживают внимания, да, но это же декаданс! А где мажорная нота? Где, я тебя спрашиваю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.